

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№3 2024



Учредитель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета

И.А. Макаренко

доктор юридических наук, профессор, проректор Уфимского университета науки и технологий по образовательной деятельности, заведующая кафедрой криминалистики (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доцент кафедры криминалистики (Уфа).

Члены редакционного совета:

С.Ж. Айдарбаев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гизатуллин

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбагаров

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Литинский

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

М.В. Мещанова

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Г. Аминев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.

Ответственный секретарь

Р.Р. Галяутдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.

Выпускающий редактор

О.И. Макова, начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов

Н.М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного и интеграционного права.

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора 9

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Назарова И.В.

Из истории становления и развития медицинского права
в Российской Федерации 10

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Абазов А.А., Галимханов А.Б., Юсупов Р.Г.

О правовом регулировании экономических отношений в России
в период перехода к рыночной экономике (1990–1993) 20

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Ермоленко Р.И.

Механизм заключения договора конвертируемого займа в отношении
обществ с ограниченной ответственностью 35

Крюкова Е.С., Янченко И.П.

Проблемы определения состава общего имущества многоквартирного
дома: правовой аспект 42

Ступин П.А.

О защите права собственности добросовестного приобретателя
в спорах по искам органов прокуратуры 51

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Зарубин Д.В.

Рекомендации Международной организации труда
в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации 58

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Шемякин Д.В.

Роль уголовного проступка в снижении уровня уголовной репрессии:
позиция законодателя, мнение научного сообщества
и правоприменителя.....66

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ильюхов А.А.

Тактические особенности поддержания государственного обвинения
как элемент доказывания в суде присяжных заседателей и механизмы
их реализации..... 76

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Зырянов А.В.

Исторический аспект антикоррупционного регулирования
в США и Китае 85

Скирда М.В.

К вопросу о XV Конгрессе ООН по предупреждению преступности
и уголовному правосудию: новые вызовы и перспективы..... 94

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кисленко С.Л., Менжега М.М.

Использование современных технических средств в процессе фиксации
результатов осмотра места происшествия..... 108

Bulletin of the
Institute of Law
of the Bashkir
State University

№ 3 (23)

2024

Published since 2018
Issued four per year

Founder

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

EDITORIAL COUNCIL:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Work, Head of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Central Election Commission Chairman, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor,
Law Enforcement Academy under the
Prosecutor General's Office of the Republic of
Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty,
Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of
Criminal Law and Procedure Ufa University of Sci-
ence and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of
International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National
University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil
Law Ufa University of Science and Technologies
(Ufa);

A.R. Sharipova

Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Chair of Criminal Law and Procedure Law
Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova

Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law
Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science
and Technology (Sterlitamak);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of
Criminalistics Ufa University of Science and
Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair of International and
Integration Law Ufa University of Science and Tech-
nologies (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief**

F.G. Aminev Doctor of Law, Associate Professor, Professor of
the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies.

Executive Secretary

R.R. Galyautdinov Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor
of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

Editor-in-chief's Column	9
---------------------------------------	----------

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Nazarova I.V.

To the History of Medical Law Development in the Russian Federation.....	10
--	----

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Abazov A.A., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G.

On the Legal Regulation of Economic Relations in Russia during the Market Economy Transition (1990–1993)	20
---	----

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Ermolenko R.I.

A Mechanism for Concluding a Convertible Loan Agreement with Limited Liability Companies.....	35
--	----

Kryukova E.S., Yanchenko I.P.

Problems of Determining the Common Property of an Apartment Complex: Legal Aspect	42
--	----

Stupin P.A.

The Bona Fide Purchaser's Property Rights Protection in Disputes on Prosecution Authorities Claims	51
---	----

LABOUR LAW; SOCIAL WELFARE LAW

Zarubin D.V.

The International Labour Organisation Recommendations
in the General Jurisdiction Court Practice in the Russian Federation..... 58

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Shemyakin D.V.

The Role of Criminal Offense in Reducing the Level of Criminal Repression:
Position of Legislator, Scientific Community and Law Enforcement Officials 66

CRIMINAL PROCEEDING

Ilyukhov A.A.

Tactical Features of State Prosecution Support in a Jury Trial
and Mechanisms for Their Implementation..... 76

INTERNATIONAL LAW

Zyryanov A.V.

Historical Aspect of Anti-Corruption Regulation in the USA and China..... 85

Skirda M.V.

On the XV United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice:
New Challenges and Prospects 94

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Kislenko S.L., Menzhega M.M.

Use of Modern Technical Means in the Process of Fixing the Crime
Scene Examination's Results..... 108

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN**

Уважаемые читатели!

Время летит быстро, и вот перед Вами – очередной номер «Вестника Института права Башкирского государственного университета» – молодого издания, постепенно обретающего популярность среди читателей и потенциальных авторов.

Предназначение журнала видится более широко и не ограничивается работами преподавателей и аспирантов нашего института. Журнал, включенный 20 февраля 2024 г. в перечень рецензируемых научных изданий, широко распахнул двери для статей известных ученых и практических работников правоохранительных органов Российской Федерации и других стран, занимающихся научными исследованиями широкого спектра актуальных проблем правоприменения. Надеемся, что не обойдут вниманием наш журнал и аспиранты юридических факультетов гражданских вузов, и адъюнкты юридических вузов силовых ведомств. Редакция с радостью представит на ознакомление широкой публике научно обоснованные взгляды ведущих и молодых специалистов как по традиционным, устоявшимся отраслям права (конституционному, гражданскому, уголовному, трудовому, жилищному и др.), так и относительно новым, еще формирующимся (муниципальное, информационное, спортивное право и др.).

Уверен, что разработанные авторами научные положения и рекомендации, пройдя достаточно лояльную обработку редакцией, получат в нашем журнале яркое воплощение и будут достойно представлены научному сообществу.

*Главный редактор
доктор юридических наук, профессор
Аминев Фарит Гизарович*

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

**THEORY AND HISTORY OF STATE;
HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW**

Научная статья

УДК 34

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.1

Назарова Ирина Владимировна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

irina19021982@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Развитие медицинского права в России претерпевало существенные изменения на протяжении всего времени его существования. Во многом на процесс создания правовой основы для развития медицины влияли геополитическая обстановка, политический режим и мировоззренческие установки правящего класса. При этом каждый принятый в свое время правовой акт оказал влияние на развитие медицинского законодательства. Цель: на основе исследования истории развития медицинского законодательства обосновать необходимость принятия медицинского кодекса. Это намного облегчит правоприменительную и правозащитную практику в сфере медицинского обслуживания населения и создаст основу для оптимального правового регулирования вопросов, связанных со здравоохранением. Методы: описания, сравнения, интерпретации, толкования, формальной и диалектической логики. Результаты: исследование истории становления и развития медицинского законодательства в России показало, что правовая база здравоохранения формировалась под влиянием геополитической обстановки, позиции правителя, политического режима и многих других факторов. С переходом к демократическому обществу возникла необходимость в принятии законов, которые должны соответствовать и нормам международного права. Каждый из принятых в свое время нормативных актов способствовал формированию и совершенствованию медицинского законодательства. Автор приходит к выводу о том, что в нашей стране есть все условия для созда-

ния медицинского кодекса, что позволит не только гарантировать, но и более эффективно оказывать медицинскую помощь, отвечающую всем стандартам ее реализации.

Ключевые слова: медицинское право, здравоохранение, законодательство, кодекс, кодификация, история, источники права

Для цитирования: Назарова И.В. Из истории становления и развития медицинского права в Российской Федерации / И.В. Назарова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 10–19.

Original article

Nazarova Irina Vladimirovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
irina1902198222@mail.ru

TO THE HISTORY OF MEDICAL LAW DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Medical law in Russia has undergone significant changes throughout its existence. The process of creating a legal framework for the development of medicine was influenced largely by the geopolitical situation, political regime and worldview of the ruling class. At the same time, each legal act adopted in its time has influenced the development of medical legislation. Objective: on the basis of the medical legislation's historical development study, to justify the need to adopt a medical code. This will greatly facilitate law enforcement and human rights practice in the sphere of population medical care and will create a basis for optimal legal regulation of issues related to health care. Methods: description, comparison, interpretation, formal and dialectical logic. Results: the study of the history of medical legislation development in Russia has shown that the legal framework of health care was formed under the influence of the geopolitical situation, the position of the ruler, the political regime and many other factors. With the emergence of a democratic society, it has become necessary to adopt laws that must also comply with the norms of international law. Each of the normative acts adopted in their time contributed to the formation and improvement of medical legislation. The author comes to the conclusion that in our country there are all conditions for the creation of a medical code, which will allow not only guaranteeing, but also more effectively providing medical care that meets all the standards of its implementation.

Keywords: medical law, health care, legislation, code, codification, history, sources of law

For citation: Nazarova I.V. To the History of Medical Law Development in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 10–19. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.1.

Организация охраны здоровья граждан, создание и совершенствование системы оказания медицинской помощи населению, без всяких сомнений, одни из самых приоритетных задач. Во всех современных государствах, позиционирующих себя как демократические, здравоохранение представляет собой комплексную систему обеспечения оптимальной жизнедеятельности общества. Это обусловлено тем, что в современных условиях государства должны учитывать важность проблемы охраны здоровья граждан. При этом оптимальное функционирование системы здравоохранения служит одним из важнейших условий обеспечения национальной безопасности. Все это стало совершенно очевидным во время пандемии COVID-19.

Видимо, не требует особого доказательства то, что, как и любая другая система права, российское право находится в процессе постоянного развития и совершенствования. Данный процесс сопровождается появлением новых норм права, отраслевых и межотраслевых институтов, подотраслей и даже новых отраслей, среди которых можно назвать информационное, авторское, бюджетное право и др. В связи с тем, что законодательство в сфере здравоохранения трудно назвать совершенным, особенно актуальной в настоящее время является тема формирования медицинского права как отдельной отрасли и вопрос о создании медицинского кодекса. Правоприменительная практика в этой сфере нуждается в установлении единого подхода юристов и медиков к решению многих проблем медицинского характера, что затруднительно без наличия кодифицированного акта.

И.А. Иванников утверждает, что «медицинское право представляет собой совокупность юридических норм, установленных или санкционированных государством, международными организациями, регулирующих общественные отношения в сфере медицинской деятельности (в системе медицинского обеспечения, прав на жизнь, здоровья, физической и психической неприкосновенности, по оказанию медицинских услуг, а также действия или деятельность медицинских работников по сохранению, представлению последним достоверной информации о диагнозе, динамике заболевания, методах и предполагаемых конечных результатах лечения, обязанностях пациента и т. д.)» [1]. В то же время для медицинского права России характерна

динамика: оно постоянно изменяется, что объясняется развитием общественных отношений в данной области жизнедеятельности людей.

В общем и целом медицинское право определяется как система правовых норм, которые регулируют общественные отношения в области медицины и здравоохранения. Это обусловлено проблемой правовой конкретизации специфики деятельности учреждений и специалистов-медиков в сфере здравоохранения с целью улучшения качества получаемых гражданами медицинских услуг. По нашему мнению, оптимальному решению данной проблемы может способствовать совершенствование правового регулирования постоянно возникающих вопросов, связанных с медициной. Им в нашей стране уделяется большое внимание, доказательство чему – большой массив нормативных правовых актов, объем которого постоянно увеличивается. Такая ситуация может быть успешно решена только путем принятия единого кодифицированного акта. Однако на пути к нему есть не до конца решенные вопросы. Один из них касается современного состояния медицинского права в целом.

А.А. Рёрихт в своей монографии «Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития» отмечает, что «по господствующему мнению, законодательство в сфере здравоохранения остается пробельным и противоречивым, а медицинское право, поскольку признается его существование, находится лишь в состоянии становления. Совокупность относимых к нему норм не основана на развитой научной базе, необходимой для перевода медицинских правил, обычаев и этических норм в юридическую форму и тем самым для развития медицинского права. Объем юридических разработок в этой сфере явно недостаточен. Мнения юристов и медиков нередко противопоставлены друг другу и доступа к надлежащим адресатам не находят или ими не востребуются» [2, с. 5].

Профессор Г.Б. Романовский, обращая внимание на проблемы медицинского права, предлагает наряду с вопросом о медицинском праве рассмотреть и вопрос об одноименной отрасли законодательства [3].

Как пишут авторы учебника по медицинскому праву под редакцией профессора Н.Г. Гончарова, нельзя рассматривать медицинское право только как отрасль, содержащую только нормы права, без познаний в области медицины. Они подчеркивают, что это некий симбиоз права и медицины, что позволяет сделать вывод о междисциплинарности данной отрасли [4].

Все это в очередной раз говорит о праве на существование медицинского права как самостоятельной, общественно важной, востребованной отрасли.

Безусловно, что под влиянием политических, экономических и международных факторов медицинское право, как и другая отрасль права, претер-

певают серьезные изменения. Поэтому особенно актуально рассмотреть исторические моменты его становления и развития.

Первые попытки регулирования медицинской деятельности относятся к периоду рабовладельческого строя, когда врачевание было равносильно мистике. При этом целитель нес ответственность за ущерб, причиненный больному, в зависимости от того, какое положение в обществе занимал больной. За смерть раба в Древней Греции целитель должен был предоставить его хозяину другого раба. Да и сами целители долгое время были рабами, и даже получив свободу, они должны были продолжать лечить своего хозяина и его семью.

Долгое время все правила врачевания были неписаными. Наиболее интересным является первый свод Законов Хаммурапи. При детальном его изучении можно обнаружить, что восемь законов посвящены ответственности лекаря. Наиболее интересны следующие: в случае благоприятного лечения лекарь получает хорошее вознаграждение; если пациент умер, лекарь подвергался наказанию: «Если лекарь сделал свободному человеку тяжелую операцию бронзовым ножом и (тем) умертвил этого человека либо сделал надрез ... и (тем) погубил этого человека, ему надлежит отрезать руку» [5].

В период развития капитализма ответственность врачей во многом определялась финансовой составляющей, то есть плата за врачебные ошибки взималась деньгами, и только наиболее явные грубые нарушения влекли наступление уголовной ответственности.

По нашему мнению, все условия для становления медицинского права появились во второй половине XX в. Исследование международно-правовых документов и конституций зарубежных стран XVIII–XX вв. позволяет сделать вывод о том, что ни в одной из конституций не идет речи о праве на здоровье, несмотря на то что упоминается право на труд и на образование. Только в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. установлено, что каждый человек имеет право на медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, что требуется для поддержания здоровья и благополучия людей и их семей, и это позволяет утверждать, что именно данный документ впервые закрепил право на охрану здоровья.

Буквально через пять лет после принятия Всеобщей декларации прав человека участники Шестой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (1953) подняли вопрос о необходимости изучения проблем медицинского права на международном уровне [6].

В нашей стране первыми источниками медицинского права следует считать обычаи славянских племен, которые в связи с возникновением княжеств преобразовались в обычное право.

В XI в. в Уставе великого князя Владимира Святославича была установлена ответственность знахарей – именно они выполняли врачебную функцию. Лицо, по чьей вине был причинен вред, несло ответственность только за умышленное преступление [7]. В эпоху Киевской Руси медицинскую деятельность регулировала Русская Правда.

Представителями светской медицины были врачи вольной практики, не относящиеся ни к монастырским лекарям, ни к народным целителям. Чаще всего это были люди иноземного происхождения. За помощь больным они брали плату, чем вызывали недовольство у своих «конкурентов», особенно у монастырских лекарей.

В XVI в. были установлены правила содержания больниц, а в 1584 г. создан Аптекарский приказ – учреждение, регулировавшее все сферы оказания медицинской помощи, включая организацию аптек, а также вопросы ответственности врачей. Этот орган проводил суды над врачами и аптекарями за ненадлежащее оказание медицинской помощи. Его основные функции: организация военно-медицинской службы, врачебные освидетельствования в виде проведения экспертного исследования по определению степени утраты здоровья. Аптекарский приказ можно назвать прообразом современного Министерства здравоохранения.

В 1707 г. была образована Канцелярия Главной аптеки, к которой перешли функции управления медицинской и фармацевтической деятельностью.

В 1735 г. был принят специальный Генеральный регламент о госпиталях. В.Е. Негодов указывает, что «социальная значимость доступного медицинского обслуживания была осознана российским законодательством еще в конце XVIII века и привела к созданию приказов общего призрения и медицинских учреждений, которые безвозмездно оказывали медицинскую помощь малоимущим гражданам» [7]. Нормативно-правовые акты того времени регламентировали не столько деятельность врачей, сколько их личностные качества: «Следует, чтобы лекарь в докторстве доброе основание и практику имел; трезвым, умеренным и доброхотным себя держал и в нужных случаях чин свой как ночью, так и денно отправлять мог» [8].

Морской устав Петра I содержит следующее положение: «Ежели лекарь своим небрежением и явным презорством к больным поступит, отчего им бедство случится, то оной яко злотворец наказан будет». То есть можно говорить о зарождении медицинской деонтологии.

В тот период в Российской империи было очень много иностранных врачей, ответственность за их действия также была регламентирована, за неправомерные действия им грозила высылка за пределы России.

В 1763 г. Канцелярия Главной аптеки была преобразована в Медицинскую коллегия, последняя просуществовала до 1803 г. В 1833 г. был опубликован Свод законов Российской Империи, целый том которого занимает Врачебный устав. Постепенно Медицинскую коллегия сменил медицинский департамент. С 1829 г. он подчинялся Министерству внутренних дел. С 1857 до октября 1917 г. действовал Единый врачебный устав, регулирующий нормы медицинского права.

В связи с установлением в нашей стране власти советов вопросы медицины регулировались государством посредством различных указов, директив. Правовые акты в области медицины были неразрывно связаны с идеями коммунистического законодательства, за малейшие отступления от которых наступала уголовная ответственность врача. Медицинской деятельностью в то время могли заниматься только государственные учреждения, все частные были закрыты.

1 декабря 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О профессиональной работе и правах медицинских работников», которое регулировало всю профессиональную деятельность врачей, никаких отступлений от установленных в этом документе положений не допускалось.

В эпоху советской власти право граждан на бесплатную медицинскую помощь впервые получило официальное закрепление в Конституции СССР 1936 г.

В 1969 г. был принят закон СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении». Преамбула данного документа содержит указание на то, что «охрана здоровья народа – одна из важнейших задач Советского государства».

Конституцией СССР 1977 г. гражданам гарантировалось право на охрану здоровья, обеспеченное бесплатной квалифицированной помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения.

Если рассматривать советский этап развития медицины, то в те годы не было такого современного понятия, как «медицинская услуга», ответственность врачей за некачественное оказание медицинской помощи была строго регламентирована. Но именно во время существования СССР была заложена основа современной медицинской правовой системы.

Современное медицинское законодательство можно назвать многоуровневым, ведь оно состоит из следующих нормативных актов: Конституция РФ, конституции субъектов Российской Федерации, законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы, инструкции и положения Министерства здравоохранения РФ, правовые акты субъектов Российской Федерации.

Конституция РФ закрепляет обязанность государственных и муниципальных учреждений здравоохранения оказывать гражданам бесплатную медицинскую помощь, а УК РФ предусматривает ответственность должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, создавших угрозу жизни и здоровью людей.

В связи с появлением большого количества частных медицинских организаций возникла необходимость в регламентации их деятельности. В связи с этим продолжают издаваться нормативные акты и в этой области. Развитие медицины и ее направлений требует более детальной регламентации, что мы и наблюдаем.

Федеральный закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет правовые основы охраны здоровья граждан¹.

Сегодня можно смело говорить о том, что действующее законодательство в области охраны здоровья граждан в целом отвечает принципам, содержащимся в Основном законе нашего государства и принятых на его основе правовых актах, однако работы в этом направлении еще много.

По нашему мнению, это связано с тем, что в постсоветское время у нас появилось право выбора платной и бесплатной медицины, и каждое из этих направлений в развитии здравоохранения требует правового обоснования и регулирования. Многие организации предоставляют своим работникам возможность пользоваться определенными льготами, оплачивают их лечение.

История становления и развития медицинского законодательства говорит о том, что правовая база здравоохранения формировалась в зависимости от геополитической обстановки, позиции правителя, политического режима и многих других факторов. С переходом к демократическому обществу возникла необходимость в принятии законов, которые должны соответствовать нормам международного права. Но нельзя не отметить, что каждый из принятых в свое время нормативных актов повлиял на становление и развитие современного медицинского законодательства. Тем не менее, несмотря на всю сложность становления этой области права, Россия медленно, но верно движется к принятию медицинского кодекса, что позволит не только гарантировать, но и более эффективно оказывать медицинскую помощь, отвечающую всем стандартам ее реализации.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 08.03.2022) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.03.2024).

Список источников

1. Воробьева Л.В. Медицинское право / Л.В. Воробьева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2014. – 171 с.
2. Рёрихт А.А. Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития : монография / А.А. Рёрихт. – Москва, 2011. – 214 с.
3. Романовский Г.Б. Проблемы становления медицинского права / Г.Б. Романовский // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 75–77.
4. Медицинское право : учебник для юридических и медицинских вузов / С.Г. Стеценко, Н.Г. Гончаров, В.Ю. Стеценко, А.Н. Пищита ; под общ. ред. Н.Г. Гончарова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : РМАПО ЦКБ РАН, 2011. – 567 с.
5. Балалыкин Д.А. Хрестоматия по истории медицины : учебное пособие / Д.А. Балалыкин. – Москва : Литтерра, 2012. – 624 с.
6. Акопов В.И. Право в медицине / В.И. Акопов. – Москва : Книга-сервис, 2013. – 377 с.
7. Негодов В.Е. Правовое регулирование организации и управления процессами модернизации здравоохранения в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.Е. Негодов. – Москва, 2012. – 24 с.
8. Попов В.Л. Правовые основы медицинской деятельности / В.Л. Попов, Н.П. Попова. – Санкт-Петербург : Деан, 1999. – 159 с.

References

1. Vorobyova L.V. Medical law. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2014. 171 p.
2. Rëricht A.A. Theoretical Foundations of Medical Law: Problems of Formation and Development. Moscow, 2011. 214 p.
3. Romanovsky G.B. Problems of Formation of the Medical Right. *Social'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*, 2012, no. 3, pp. 75–77. (In Russian).
4. Stetsenko S.G., Goncharov N.G., Stetsenko V.Yu., Pishchita A.N.; Goncharov N.G. (ed.). Medical Law: Textbook for Law and Medical Universities. 2nd ed. Moscow, 2011. 567 p.
5. Balalykin D.A. Chrestomathy on the History of Medicine. Moscow, Litterra Publ., 2012. 624 p.
6. Akopov V. I. Law in Medicine. Moscow, Kniga-Servis Publ., 2013. 377 p.
7. Negodov V.E. Legal Regulation of Organisation and Management of Healthcare Modernisation Processes in the Russian Federation. *Cand. Diss. Theses*. Moscow, 2012. 24 p.
8. Popov V.L., Popova N.P. Legal Foundations of Medical Care. Saint Petersburg, Dean Publ., 1999. 159 p.

Информация об авторе**Information about the Author**

Назарова Ирина Владимировна –
аспирант кафедры теории госу-
дарства и права Института права

Nazarova Irina Vladimirovna –
post-graduate student of the Chair of
Theory of State and Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 19.08.2024.

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 19.08.2024.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

**CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING;
MUNICIPAL LAW**

Научная статья

УДК 330.113.4

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.2

**Абазов Артур Азаматович¹, Галимханов Азат Булатович^{2,3},
Юсупов Рахимьян Галимьянович^{2,4}**

¹Балтачевский межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Башкортостан, Уфа, Россия, abazov707@mail.ru

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

³aiflaw@mail.ru

⁴yusupovr.g@yandex.ru

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД
ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (1990–1993)**

Аннотация. Перевод экономической системы социалистического образца на рыночные рельсы – сложный процесс, потребовавший формирования новой налоговой системы, рыночной инфраструктуры, принципов ценообразования и пр. В основе экономической реформы лежит распределение права собственности на средства производства, от которого зависят модель экономической системы и характер экономических отношений. Статья посвящена именно этому вопросу. В ней исследованы соответствующие нормативные правовые акты РСФСР и Российской Федерации за 1990–1993 гг. и проанализирована динамика установления пределов права публичной (государственной и муниципальной) и частной собственности. Установлено, что на начальном этапе реформы правовые акты закрепляли равноправие всех форм собственности и относительно аккуратно решали проблему государственного монополизма. Однако затем в два этапа, но в короткие сроки вместо равноправия всех форм собственности на правовом уровне закрепился перекосяк в пользу частной собственности, причем даже в ряде стратегически

важных и социальной сферах. Особое внимание уделено законодательному закреплению права иностранных физических и юридических лиц на ведение в России предпринимательской деятельности, приобретение права собственности на стратегическое имущество и ресурсы, банковское сопровождение приватизационных сделок. Сделан вывод о том, что в исследуемый период суть преобразований заключалась не только в искоренении наследия командной экономической системы, но и в подчинении российской экономики внешним игрокам. Из двух видов экономических отношений адекватно развивались только организационно-экономические. Однако они складывались не в пользу государства и общества, что разбалансировало всю экономическую систему и обернулось глубоким экономическим кризисом.

Ключевые слова: право собственности, экономическая система, социально-экономические отношения, организационно-экономические отношения, приватизация государственного и муниципального имущества

Для цитирования: Абазов А.А. О правовом регулировании экономических отношений в России в период перехода к рыночной экономике (1990–1993) / А.А. Абазов, А.Б. Галимханов, Р.Г. Юсупов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 20–34.

Original article

**Abazov Artur Azamatovich¹, Galimkhanov Azat Bulatovich^{2,3},
Yusupov Rakhimyan Galimyanovich^{2,4}**

¹Baltachevsky Interdistrict Investigative Department of the Office of Criminal Investigations of the Investigative Committee, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, abazov707@mail.ru

²Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

³aiflaw@mail.ru

⁴yusupovr.g@yandex.ru

ON THE LEGAL REGULATION OF ECONOMIC RELATIONS IN RUSSIA DURING THE MARKET ECONOMY TRANSITION (1990–1993)

Abstract. The transition of the socialist-style economic system to a market economy is a complex process that required the formation of a new tax system, market infrastructure, pricing principles and so on. At the heart of economic reform is the distribution of ownership of the means of production, that

determines the model of the economic system and the nature of economic relations. This article is devoted to this issue. It studies the relevant normative legal acts of the RSFSR and the Russian Federation for 1990–1993 and analyses the dynamics of establishing the limits of public (state and municipal) and private property rights. It was established that in the initial stage of the reform, legal acts enshrined equality of all forms of property and carefully solved the problem of state monopolism. But then, in two stages, but in a short time, instead of equal rights for all forms of ownership at the legal level, the bias towards private property has been consolidated, even in a number of strategic and social spheres. Special attention is paid to the legislative establishment of foreign individuals' and legal entities' right to conduct business activities in Russia, to acquire ownership of strategic property and resources, and to provide banking support for privatisation transactions. It is concluded that in the period under study the essence of transformations was not only to eradicate the legacy of the command economic system, but also to subordinate the Russian economy to external players. From two types of economic relations, only organisational and economic developed adequately. But they did not work to the benefit of the state and society, which unbalanced the entire economic system and resulted in a deep economic crisis.

Keywords: property right, economic system, socio-economic relations, organisational and economic relations, privatisation of state and municipal property

For citation: Abazov A.A., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G. On the Legal Regulation of Economic Relations in Russia during the Market Economy Transition (1990–1993). *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 20–34. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.2.

Специалистам хорошо известно, что экономические отношения подразделяются на две категории: социально-экономические и организационно-экономические. Последние связаны с необходимостью организовать коллективные производственные процессы и могут существовать в любой социально-политической среде. В отличие от них социально-экономические отношения напрямую зависят от установленного в стране общественного строя, и прежде всего от того, как урегулировано право собственности. Иными словами, в основе социально-экономических отношений лежит собственность на средства производства и, как следствие, управление результатами производства, в том числе прибылью [1, с. 43]. Государства, установившие преобладающее право частной собственности на средства производства, принято называть капиталистическими, а их экономическую систему – рыночной. В XX в. сформировался блок государств-антиподов, в которых преобладающее право

собственности на средства производства приобрели сами государства, названные социалистическими, а их тип экономической системы в теории называли командно-административным [2, с. 9–10]. В настоящее время в чистом виде ни один из вариантов экономических систем не сохранился. Чистый рыночный вариант, как свидетельствует история, чреват социальной нестабильностью, поскольку концентрируется на интересах собственников и мало учитывает интересы социума. Командно-административный вариант, напротив, учитывает интересы социума, но в отсутствие деловой конкуренции может упустить фактор мотивации к прогрессивному экономическому развитию.

Это обстоятельство породило в мировом пространстве тенденцию к поиску сбалансированного подхода к участию государства и частного сектора в экономических процессах, что означало обновление правовой регламентации права собственности. В теории даже появилось понятие «смешанная экономическая система». Вариантов смешанных систем немало. Например, в США в широком спектре отраслей поощряется частная собственность (либеральная модель), а в Китае доминирует государственная собственность («рыночный социализм»). Сформированы и другие системы, различающиеся по степени экономической активности государства и объему государственной собственности.

Наша страна после Октября 1917 г. прошла сложный путь социалистического строительства. На разных его этапах она продемонстрировала и стремительный экономический рост с достижением статуса сверхдержавы, и длительный период стагнации, завершившийся на рубеже 1980–1990-х годов переходом к рыночным отношениям. Понятно, что рынок предполагал разрушение социалистического подхода к собственности на средства производства. Вопрос был в том, чтобы определить, насколько существенно в ходе экономической реформы государство утратит право собственности на свое имущество (как отмечено выше, в мире этот вопрос решался по-разному).

Обратимся к правовому аспекту проблемы.

В декабре 1991 г. СССР, начавший путь к рыночной экономике, распался. Входящая в его состав РСФСР была переименована в Российскую Федерацию. Опустим упоминание правовых актов, легализовавших в России переход к рынку. На данном этапе нас интересует, как был урегулирован вопрос собственности, определяющей характер социально-экономических отношений.

Еще до развала СССР власти страны озадачились организацией антимонопольного процесса (а монополистом в советский период, напомним, являлось государство). 14 июля 1990 г. был принят Закон «О республиканских министерствах и государственных комитетах РСФСР», в котором значился новый государственный орган – Государственный комитет РСФСР по ан-

тимонопольной политике и поддержке новых экономических структур¹, а 22 марта 1991 г. в Законе РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» были закреплены принципы регулирования деятельности хозяйствующих субъектов. Поскольку разгосударствление предприятий еще не произошло, закон наделил антимонопольный орган многими прорыночными полномочиями, вплоть до принятия решений о принудительном разделении хозяйствующих субъектов или выделении из их состава одной или нескольких коммерческих единиц (ст. 19)².

В 1990 г. произошли изменения в регулировании непосредственно права собственности. 24 декабря 1990 г. был принят Закон «О собственности в РСФСР», легализовавший неприемлемое для социалистической системы равноправие «частной, государственной, муниципальной собственности, а также собственности общественных объединений (организаций)». Имущество, на которое распространялось право собственности, закон представил широко – от предприятий и сырья до денег и продуктов интеллектуального труда (ст. 2). При этом шаблонное регулирование права собственности на все виды имущества закон не предусматривал³.

В 1991 г. началась законодательная кампания по приватизации государственного и муниципального имущества. Базовым актом в этом направлении стал Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», легализовавший саму возможность передачи в частные руки государственного имущества, в том числе предприятий, оборудования, зданий, других материальных и нематериальных активов предприятий, долей (паев, акций) государства и местных Советов народных депутатов в капитале акционерных обществ (товариществ) и пр. (ст. 1). В законе имелись пункты, которые, на наш взгляд, во многом определили уровень социальной и экономической катастрофы России. Это, во-первых, пункт, позволяющий иностранным физическим и юридическим ли-

¹ О республиканских министерствах и государственных комитетах РСФСР : Закон РСФСР от 14.07.1990 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&> (дата обращения: 11.03.2024).

² О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках : Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (с изм. и доп. от 26.07.2006 № 135-ФЗ) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102115928&backlink=1&&nd=102011007> (дата обращения: 11.03.2024).

³ О собственности в РСФСР : Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102014177&backlink=1&&nd=102010275&rdk=0> (дата обращения: 10.03.2024).

цам приобретать государственное и муниципальное имущество в России. Во-вторых, пункт, упоминаящий в качестве объектов приватизации социально-культурные учреждения и объекты культурного и природного наследия. Правда, указывалось, что приватизация таких объектов может осуществляться на основании других законодательных актов (ст. 2), что сути не меняло. Организация приватизации государственного имущества возлагалась на Государственный комитет РФ по управлению государственным имуществом (ст. 4)¹.

В исследуемый период разрабатывалась программа действий по приватизации на ближайший 1992 г. Однако Президент РСФСР Б.Н. Ельцин без всякой программы своим Указом от 25 ноября 1991 г. № 232 предписал до 1 января 1992 г. реорганизовать государственные (муниципальные) предприятия и организации розничной торговли и общественного питания в структурные единицы (магазины, мелкорозничные сети, общедоступные столовые, кафе, рестораны и др.) на правах юридического лица². Началась так называемая малая приватизация.

Основные положения программы действий на 1992 г. (официальное название – Программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.) были обнародованы Президентом теперь уже Российской Федерации 29 декабря 1991 г. В Указе «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» объекты государственной и муниципальной собственности по возможности приватизации были разделены на группы: 1) объекты обязательной приватизации; 2) объекты, подлежащие приватизации; 3) объекты, ограничиваемые в приватизации (требующие специального разрешения органов государственной или муниципальной власти); 4) объекты, запрещенные к приватизации. В первые две группы вошло большинство типов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, строительных организаций и пр. Ограничения касались объектов систем здравоохранения, народного образования, культуры и спорта – для их приватизации требовалось принятие специальных законодательных актов.

¹ О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР : Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531-1 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093782&backlink=1&nd=102011956&rdk=0> (дата обращения: 10.03.2024).

² О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР : Указ Президента РСФСР от 25.11.1991 № 232 (с изм. и доп. от 21.10.2002 № 1209) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/463> (дата обращения: 10.03.2024).

Большую группу составили объекты, приватизация которых запрещалась: государственная казна, средства бюджетов, валютного резерва, золотой запас и Алмазный фонд. С красноречивой характеристикой в эту группу вошло имущество силовых структур, включая Вооруженные Силы РФ, – имущество, «не подлежащее промышленной утилизации». В перечне значились в полном объеме сегменты космической и радиационной сфер, от производственных и обслуживающих до научно-исследовательских и опытно-конструкторских. Запрещалось передавать в частные руки предприятия по производству ядовитых и наркотических веществ, по изготовлению государственных знаков и т. д. Перечень включал более 20 пунктов, но формат статьи не позволяет нам привести его целиком. Однако смысл запрета, полагаем, понятен. При этом подчеркнем, что на тот момент запрет налгался на предприятия электроэнергетики, автомобильные дороги общего пользования, недра земли, водные ресурсы, лесной фонд и пр.¹

Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г. была введена в действие на основании постановления Верховного Совета РФ от 11 июня 1992 г. № 2980-1. Постановление прекратило действие Основных положений программы, изложенных в президентском указе. Документ шире представил группы предприятий по возможности приватизации. В нем также упоминались объекты, приватизация которых запрещена; объекты, приватизация которых обязательна; объекты, подлежащие приватизации на основании заявок или местных программ. При этом объекты, ограничиваемые в приватизации, в окончательной Государственной программе, в свою очередь, разделили на самостоятельные группы. В качестве условий приватизации были обозначены не только правительственные решения, но также решения Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом (Госкомимущества) «с учетом мнения отраслевых министерств», местные программные положения, согласие трудовых коллективов.

Некоторые принципиальные изменения вносились в описание групп. Так, были уточнены намерения в отношении имущества силовых структур, включая Вооруженные Силы РФ. Напомним, в Основных положениях это имущество упоминалось единожды: если оно не подлежало «промышленной утилизации», приватизировать его запрещалось. В Государственной программе же утвердился совсем иной подход. Приватизация не подлежащих «промышленной утилизации» предприятий, производящих любые виды вооружений, боеприпасов, взрывчатых веществ, стала возможной по решению

¹ Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий : Указ Президента РФ от 29.12.1991 № 341 [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/674> (дата обращения: 18.03.2024).

Правительства РФ или правительств республик в составе Российской Федерации. На том же условии допускалась и приватизация научно-исследовательских, проектных, опытно-конструкторских организаций данной сферы. Судьба предприятий, подлежащих «промышленной утилизации», или, как сказано в Государственной программе, высвобождаемых и подлежащих уничтожению «в связи с сокращением Вооруженных Сил Российской Федерации», оказалась в руках Госкомимущества с учетом мнения отраслевых министерств. Аналогичное решение было принято в отношении имущества служб безопасности и внутренних дел.

Чтобы очертить масштабы задуманной реформы, отметим и другие отрасли, переставшие быть запретными для приватизации.

В группу предприятий, для приватизации которых требовалось решение Правительства РФ, включили предприятия топливно-энергетического комплекса, в том числе электроэнергетики, угле-, нефте-, газодобычи и переработки, а также нефтебазы.

В группу предприятий, для приватизации которых требовалось решение Госкомимущества, включили предприятия железнодорожного, авиационного, морского и речного транспорта, высшие и средние специальные учебные заведения, научно-исследовательские, проектные, проектно-изыскательские учреждения, в том числе учреждения Российской академии наук и отраслевых академий, предприятия и учреждения Министерства здравоохранения РФ, Министерства экологии и природных ресурсов РФ и др.¹

Современники событий, безусловно, помнят беспрецедентную акцию по распространению среди населения России приватизационных чеков, превращающих любого их владельца в собственника соответствующего предприятия. Более того, эта акция создавала видимость демократического характера отъема имущества у государства. К чекам вернемся позже, а здесь заметим, что на самом деле распределять за бесценок государственное и муниципальное имущество среди обычных тружеников бюджет позволить себе не мог. Бюджету, за счет которого во всем мире государство решает социальные и иные задачи, нужны были реальные деньги. Государственная программа предусмотрела различные способы приватизации: продажа акций акционерных обществ открытого типа (акционерные общества закрытого типа в исследуемый период переводились в статус открытых), продажа предприятий на аукционе, продажа предприятий по коммерческому кон-

¹ О введении в действие Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год : постановление Верховного Совета РФ от 11.06.1992 № 2980-1 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102016732 (дата обращения: 20.03.2023).

курсу, продажа предприятий на инвестиционных торгах и пр. Заметим, что Центральному банку РФ кредитовать соответствующие сделки запрещалось. Это право было делегировано коммерческим банкам России и иностранным банкам, причем без ограничений.

На наш взгляд, стоит обратить внимание не только на факт привлечения к процессу приватизации иностранных банков, но и на то, что коммерческая банковская система России в 1992 г. развивалась в основном количественно и с сомнительным успехом: банки нередко банкротились или закрывались ввиду отзыва лицензии, вместо них открывались новые, зачастую тоже не отличающиеся надежностью. «Образовавшиеся в тот период коммерческие банки, – констатировал Г.И. Ханин, – были очень слабы и размером своих капиталов, и, главное, знаниями методов работы в рыночной экономике» [3, с. 109]. Нет сомнений, что на коммерческую банковскую систему делать ставку в таком гигантском деле, как национализация государственного (муниципального) имущества, большого резона не было.

Что касается приватизационных чеков, то они в Государственной программе упоминаются как способ обеспечения «дополнительного платежеспособного спроса населения», запланированный на четвертый квартал 1992 г. Что на практике означал этот шаг, многократно описано в литературе. 19 августа 1992 г. Президент РФ издал Указ «О введении системы приватизационных чеков в Российской Федерации», согласно которому все граждане получили право на один чек (или ваучер) номинальной стоимостью 10 тыс. руб. (в скобках отметим, что для получения ваучера требовалось уплатить так называемый выкуп в размере 25 руб.). Выдача ваучеров проходила с октября 1992 г. и шла стремительно. За год их получили почти 97 % российских граждан. Конечно, люди рассчитывали на обещанные выгоды от приобретенных чеков, то есть на высокие проценты от прибыли предприятий. Но к тому времени огромное количество предприятий оказалось в глубоком кризисе, и надежды людей не оправдались. Позднее ваучеры за бесценок скупил у обедневшего населения узкая группа лиц, образовав класс олигархов [4, с. 154–155].

12 декабря 1993 г. в обстановке, когда государственное имущество полным ходом переходило в частные руки и нарастал экономический кризис, была принята Конституция РФ – главный правовой акт, определяющий характер экономической системы государства и, соответственно, экономических (прежде всего, социально-экономических) отношений. Если оценивать ситуацию формально, то получается, что с экономической системой и экономическими отношениями реформаторы разобрались и без Конституции. Впрочем, не было сомнений, что новый Основной закон не вступит в противоречие с процессами, запущенными в экономике.

Теперь подробнее. Экономическая система, как указано, во многом определяется фактором собственности. Основной закон закрепил существование государственной, муниципальной, частной и иных форм собственности (п. 2 ст. 8). В государственной, муниципальной, частной и иных формах собственности могут находиться земля и другие природные ресурсы (п. 2 ст. 9). Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами не должно наносить ущерба окружающей среде и нарушать права и законные интересы иных лиц (п. 2 ст. 36). Право частной собственности охраняется законом, и этим правом обладает каждый (ст. 35), то есть обладателем собственности могут быть не только граждане России. Гражданам в плане владения частной собственностью на землю Конституция гарантировала право на объединение, уточнив, что условия и порядок пользования землей определяются федеральным законом (п. 1, 3 ст. 36).

Термин «рыночная экономика» в Конституции РФ не упоминается, но признаки рыночной экономики проявляются не только в плане признания частной собственности. Конституция РФ гарантировала единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности (п. 1 ст. 8), подчеркивая недопустимость экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (п. 2 ст. 34). Право на свободную реализацию своих способностей и имущества для законной предпринимательской деятельности гарантировано каждому (п. 1 ст. 34), то есть не только гражданам России. При этом «каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» (ст. 57).

Теперь стоит разобраться с поднятым вопросом, связанным с мировой тенденцией перехода к смешанной экономической системе, к которой в мире устремились как рыночная, так и командно-административная системы. Суть перехода заключается в совмещении преимуществ рынка, не занятого проблемами социального характера, с социальной сферой, которую опекает государство. В Конституции РФ установлено, что Россия является социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (п. 1 ст. 7). Основной закон гарантировал право на труд: «каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию ... каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда», при этом подчеркивается право на защиту от безработицы. Гарантировано также право на отдых – ежегодный оплачиваемый отпуск, выходные и праздничные дни (ст. 37). Гарантировано право

на образование на бюджетной основе. Это касается, прежде всего, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях. Высшее образование можно получить бесплатно на конкурсной основе (ст. 43). В стране предусмотрено социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом, в том числе государственные и социальные пособия (ст. 39).

Итак, в 1993 г. была принята Конституция РФ, которая продемонстрировала, во-первых, ориентацию экономики на рыночные принципы, во-вторых, ориентацию на мировую тенденцию поддержки государством социальной сферы и, таким образом, на формирование смешанной экономической модели в соответствии с теорией социальной рыночной экономики.

Подведем итоги исследования и рассмотрим, к какому результату привел российский эксперимент со сменой экономической системы и социально-экономических отношений.

Сама по себе частная собственность на средства производства угрозы для государства и общества не представляет. Вопрос в масштабах ее распространения. Сейчас уже нет государств даже социалистической ориентации, в которых на законодательном уровне не закреплено это право и не урегулировано его распространение на те или иные сферы экономической деятельности. Давно известно, что рынок с его механизмами и законами способен мотивировать инновационную инициативность собственников-производителей, правда, изначально в интересах самих собственников. С другой стороны, только государство имеет обязательства перед всеми слоями общества, но ему для реализации этих обязательств нужен благополучный бюджет, который формируется из различных источников. При этом важно понимать, что чем выше социальная нагрузка на государство, тем больше оно заинтересовано в наличии собственности, возможности производить, продавать и получать прибыль в любой, даже рыночной среде. А значит, принятый в конце 1990 г. Закон «О собственности в РСФСР», закрепивший равноправие частной и публичной собственности (именно равноправие, а не превалирование), вполне мог стать основой для создания эффективной экономической системы и надежных социально-экономических отношений.

Когда в ноябре 1991 г. Президент РСФСР своим указом распорядился перевести в частный сектор мелкую торговлю и общепит (малая приватизация), вред для экономики тоже не последовал, несмотря на то что глава государства явно торопил события, не считая нужным дождаться окончания разработки общей программы приватизации государственного имущества. Впрочем, законные основания у него были, поскольку еще в июле 1991 г. был при-

нят закон о приватизации, а это значит, что законотворческая работа по формированию основ приватизации государственного имущества уже шла.

Эта работа велась в несколько этапов посредством принятия упомянутого закона РСФСР, а также актов, принятых после распада СССР и возникновения государства Российская Федерация, а именно после Указа Президента РФ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» (декабрь 1991 г.), содержащего основные положения программы действий на 1992 г., и особенно постановления Верховного Совета РФ «О введении в действие Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» (июнь 1992 г.), в котором окончательно закреплялись пределы явно неравноправного распределения права собственности в пользу частного сектора – по либеральному (американскому) образцу.

Анализ правовых документов позволил заключить, что в ходе упомянутых законотворческих действий последовательно решались две основные задачи: выкорчевать наследие командной экономической системы и подчинить российскую экономику внешним игрокам.

На существование первой задачи указывает выраженная тенденция к максимальному сокращению публичного сектора экономики, хотя государство остро нуждалось в средствах на социальные и иные нужды, то есть право собственности на средства производства для него актуальности не теряло. Но за ним в основном оставляли либо то, что нигде и никогда не было в частном распоряжении (например, государственная казна), либо то, что бизнесу поддерживать было невыгодно. Причем законодательство, формировавшееся постепенно, в более ранние сроки было аккуратнее в вопросах приватизации. Например, предприятия в таких сферах, как электроэнергетика или производство военного назначения, продавать бизнесу изначально не планировалось, а затем даже стратегические и социально-культурные отрасли стали (при наличии определенных условий) доступными для перевода в частную собственность.

На существование второй задачи указывают, во-первых, правовые нормы, позволившие приобретать государственное и муниципальное имущество в России иностранным физическим и юридическим лицам, во-вторых, правовые нормы, вовлекшие в кредитование приватизационных сделок исключительно коммерческие, в том числе иностранные банки, причем в период, когда система российских коммерческих банков находилась в стадии становления и стабильностью не отличалась.

В итоге началось формирование деструктивной экономической системы, в которую болезненно втискивались американские либеральные принципы, для которых в России, в отличие от тех же США, не было никакой почвы. В США система работает давно, без скачков в сторону социализма. США, взявшие технологический верх, стали основными бенефициарами глобализации, настроенной на обеспечение им экономического роста. Все экономические механизмы в сумме позволили США даже не пытаться сменить принципы распределения права собственности, сохранив, даже в сравнении с большинством других капиталистических стран, самый высокий ареал частного сектора. Россия не имела сильной капиталистической традиции, на ее экономику не работали наднациональные корпорации. Наконец, в России первоочередной задачей был вывод экономики из затянувшейся стагнации. А это не те условия, в которых могла бы стать эффективной либеральная экономическая система.

К слову, некоторые американские экономисты именно так оценивали происходившие события. Так, профессор Л.А. Мусаелян в одной из публикаций привел мнение авторитетного американского ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица: «Программа либерализма не была программой роста, она создавала условия для деградации, шло обдирание активов и вывоз капитала». Сам Л.А. Мусаелян заключил, что это происходило во всех странах, где США удавалось навязать идеологию рыночного фундаментализма, и не произошло там, где по такому сценарию идти отказались, например в Китае [5, с. 38].

Некоторые авторы утверждают, что все было не так уж и плохо. Так, признается, что не сразу успешно, но адекватно формировались объекты рыночной инфраструктуры (инвестиционные и страховые компании, биржи, банки, маркетинговые фирмы и пр.). Но это говорит лишь об адекватном регулировании организационно-экономических отношений, чего не скажешь об отношениях социально-экономических. Если учесть, что экономическая система – это «совокупность всех экономических процессов, совершающихся в обществе на основе действующих в нем имущественных отношений и организационных форм» [2, с. 7], то можно утверждать, что ошибочно было рассчитывать на обеспечение благосостояния государства, выстраивая систему, в которой эффективно урегулирована только часть процессов и отношений.

Остается добавить, что на момент принятия Конституции РФ первые – разрушительные – результаты реформ были видны. Как пишет О.А. Груздева, «реформы оказались очень болезненными, во многом это был "шок без терапии". ВВП сократился больше, чем за годы Гражданской или Великой Отечественной войн. Резко возросла дифференциация доходов населения. Структурная перестройка экономики привела к потере многих направлений науки и

отраслей производства, закрепив ярко выраженную сырьевую направленность российского экспорта. Резко возросла криминализация экономики и общества» [4, с. 157]. Возможно, поэтому в текст российского Основного закона, не изобилующего детализацией, вошли общепринятые нормы, характерные для государств с рыночной экономикой.

Список источников

1. Ткаченко А.А. Сущность и виды социально-экономических отношений / А.А. Ткаченко // Концепт. – 2016. – № S17. – С. 42–46.
2. Левина М.И. Исследование экономических систем и их классификация / М.И. Левина // Экономика. Право. Инновации. – 2019. – № 2. – С. 6–13.
3. Ханин Г.И. Коммерческие банки РФ в 1992–1998 годы / Г.И. Ханин // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 1, № 3 (9). – С. 109–128.
4. Груздева О.А. История экономики России : курс лекций / О.А. Груздева. – Москва : МИСиС, 2012. – 160 с.
5. Мусаелян Л.А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия / Л.А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2018. – Вып. 39. – С. 36–52.

References

1. Tkachenko A.A. The Essence and Types of Socio-Economic Relations. *Koncept = Concept*, 2016, no. S17, pp. 42–46. (In Russian).
2. Levina M. Research of Economic Systems and Their Classification. *Ekonomika. Pravo. Innovacii*, 2019, no. 2, pp. 6–13. (In Russian).
3. Khanin G.I. Commercial Banks in 1992–1998 Years Russia. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2011, vol. 1, no. 3 (9), pp. 109–128. (In Russian).
4. Gruzdeva O.A. History of the Russian Economy. University of Science and Technologies Publ., 2012. 160 p.
5. Musayelyan L.A. The Reforms of the 90's and Their Economic, Political and Legal Impacts. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, iss. 39, pp. 36–52. (In Russian).

Информация об авторах

Абазов Артур Азаматович – старший следователь следственного отдела;

Information about the Authors

Abazov Artur Azamatovich – Lead Investigator of the Investigative Department;

Галимханов Азат Булатович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права;

Galimkhanov Azat Bulatovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law;

Юсупов Рахимьян Галимьянович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права

Yusupov Rakhimyan Galimyanovich – Doctor of Sciences (History), Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 07.06.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 07.06.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW;
PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Научная статья

УДК 347.455

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.3

Ермоленко Руслан Игоревич

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, copy11111@yandex.ru

**МЕХАНИЗМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА
КОНВЕРТИРУЕМОГО ЗАЙМА В ОТНОШЕНИИ
ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ**

Аннотация. Возможность заключения договора конвертируемого займа появилась на российском рынке с июля 2021 г. Актуальность темы обусловлена новизной указанного института, отсутствием сложившейся практики применения норм, его регулирующих. Предметом исследования является механизм заключения договора конвертируемого займа в отношении обществ с ограниченной ответственностью. Рассмотрены предварительные действия, которые должен совершить заемщик, существенные и дополнительные условия договора, ограничения. Предложены пути дальнейшего совершенствования рассматриваемого института.

Ключевые слова: договор конвертируемого займа, заемщик, заимодавец, инвестиция, общество с ограниченной ответственностью

Для цитирования: Ермоленко Р.И. Механизм заключения договора конвертируемого займа в отношении обществ с ограниченной ответственностью / Р.И. Ермоленко. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 35–41.

Original article

Ermolenko Ruslan Igorevich

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen,
Saint Petersburg, Russia, copy11111@yandex.ru

A MECHANISM FOR CONCLUDING A CONVERTIBLE LOAN AGREEMENT WITH LIMITED LIABILITY COMPANIES

Abstract. The possibility for entering into a convertible loan agreement has been available on the Russian market since July 2021. The relevance of the topic is based on the novelty of this institute and the lack of established practice in applying the rules governing it. The subject of the study is the mechanism of concluding a convertible loan agreement with limited liability companies. The preliminary actions that the borrower must perform, substantive and additional terms of the contract, restrictions are considered. The ways of further improvement of the institute are suggested.

Keywords: convertible loan agreement, borrower, loaner, investment, limited liability company

For citation: Ermolenko R.I. A Mechanism for Concluding a Convertible Loan Agreement with Limited Liability Companies. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 35–41. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.3.

XXI век характеризуется бурным развитием всевозможных стартапов. При этом основной проблемой практически для всех молодых компаний является отсутствие финансирования для воплощения в жизнь своих бизнес-идей. Помочь перспективным проектам призван принятый 2 июля 2021 г. Федеральный закон № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепивший возможность заключения договоров конвертируемого займа (далее – ДКЗ). Суть соглашения проста: компания-инвестор предоставляет стартапу средства для бизнеса, взамен молодая фирма должна отдать долг либо деньгами, либо акциями/долями. Такая схема не является инновационной с точки зрения истории мирового инвестирования, на протяжении многих десятков лет она успешно применялась в США и ряде стран Европы [1, с. 111].

События февраля 2022 г. отрицательно повлияли на развитие российского венчурного рынка. Тем не менее конвертируемый заем как инструмент привлечения финансирования сейчас активно используется многими компаниями, поэтому чрезвычайно важно понимать механизм оформления подобных сделок.

Механизм заключения ДКЗ достаточно новый и перспективный для российского рынка. Он предоставляет компаниям возможность привлекать дополнительные инвестиции путем конвертации заемных средств в акционерный капитал, а инвесторам – получить долю в бизнесе и участвовать в его развитии, снижает риски для обеих сторон сделки.

Механизм заключения ДКЗ в России имеет ряд особенностей. Например, договор характеризуется особым субъектным составом. В роли заимодавца может выступать либо участник общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), либо акционер непубличного акционерного общества (далее – НАО). Если речь идет об ООО, то инвестором может быть и третье лицо, если устав организации допускает увеличение уставного капитала через вклад таких субъектов.

Что касается заемщика, то здесь закон устанавливает определенные ограничения. Запрещается заключать ДКЗ кредитным и финансовым некредитным организациям, предприятиям стратегической важности. Заемщиком не может быть созданное в результате приватизации НАО, если его акции принадлежат государству или муниципальному образованию и обеспечивают как минимум 25 % голосов на общем собрании [2, с. 69].

Поскольку ООО – одна из самых популярных организационно-правовых форм ведения бизнеса (особенно малого и среднего), необходимо отдельно остановиться на порядке заключения ДКЗ в отношении этих субъектов. Первым этапом закон называет подачу заявления инвестором о внесении дополнительного вклада (если заимодавцем является участник ООО) или о включении его в состав участников общества и внесении дополнительного вклада (если заимодавцем является стороннее лицо). Причем в заявлении обязательно указывается следующая информация:

- предельный размер вносимого инвестором вклада;
- сведения о том, что в счет внесения вклада будет осуществляться зачет денежных требований инвестора к компании по обязательствам из договора конвертируемого займа;
- предельный размер доли, на которую претендует заимодавец.

После получения заявления участники ООО должны организовать собрание и принять по нему решение. Закон обязывает указывать в таком решении стороны ДКЗ, сумму, на которую возрастет номинальная стоимость доли (либо стоимость доли инвестора в уставном капитале ООО в процентах

от внесенного им вклада, либо порядок расчета такой стоимости), а также иные существенные условия будущего договора или порядок их определения. Решение общего собрания – это и есть предварительное согласие на сделку.

Одновременно с этим участники попутно принимают и иные решения, предусмотренные п. 2 ст. 19 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: о внесении корректировок в устав, об изменении номинальной стоимости долей и т. д.

Указанные решения должны содержать сведения:

– о предельной сумме, на которую допускается увеличение уставного капитала в целях исполнения ДКЗ;

– о предельной сумме, на которую допускается увеличение номинальной стоимости доли инвестора-участника, либо максимальной стоимости доли стороннего заимодавца;

– о предельной величине доли инвестора после исполнения ДКЗ.

Следует отметить, что все участники ООО должны быть согласны на заключение ДКЗ, причем такое согласие подлежит нотариальному удостоверению. Отсутствие согласия таит угрозу оспаривания соглашения в дальнейшем [3, с. 215].

Так как ДКЗ представляет собой разновидность договора займа, его существенным условием является предмет – тот актив, который заимодавец передает заемщику. Гражданское законодательство указывает, что в роли предмета займа могут выступать не только деньги, но и обладающие определенными родовыми признаками вещи. Однако, исходя из специфики отношений между инвестором и заемщиком, представляется, что предметом конвертируемого займа являются именно деньги.

О других существенных условиях ДКЗ сказано в п. 4 ст. 19.1 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Первым существенным условием является то, что в соглашении указывается срок и (или) иные обстоятельства, при которых инвестор сможет требовать конвертации займа в долю. Использование союзов «и» и «или» неслучайно. Это значит, что стороны могут не прописывать в ДКЗ конкретные сроки, а указать перечень обстоятельств, при которых заимодавец вправе предъявить свои требования. При этом законодатель сознательно не закрепляет перечень обстоятельств, оставляя их на усмотрение сторон. В частности, таким условием может являться достижение определенных финансовых показателей заемщиком (например, по выручке, прибыли, показателям EBITDA), увеличение чистых активов, создание какого-то продукта, получение гранта, выход на зарубежный рынок, получение разрешительных документов, привлечение следующего раунда финансирования. Чтобы у сторон не возникло раз-

ногласий относительно наступления указанных обстоятельств, желательно предусмотреть перечень подтверждающих документов [4, с. 48].

Вторым существенным условием ДКЗ является алгоритм конвертации права требования в доли. Так, самый простой вариант – прописать сумму, на которую возрастает номинальная стоимость доли, в процентах от стоимости внесенного заимодавцем вклада (если инвестором является участник ООО) или номинальную стоимость доли в процентах от стоимости внесенного им вклада (если инвестором является стороннее лицо). Однако ничто не мешает участникам сделки определить другие условия конвертации.

Во избежание возможных споров сторонам необходимо включить в ДКЗ и другие условия. Так, участникам следует разработать порядок выплаты задолженности, если конвертация не состоялась, условия выплаты процентов, указать, возможно ли досрочное погашение займа, прописать механизм внесения изменений в ДКЗ.

Как показывает пока еще немногочисленная судебная практика, особое внимание участники сделки уделяют условиям о целевом расходовании денежных средств. Рекомендуются указывать конкретные статьи расходов и отведенные на них суммы. Это поможет инвестору не потерять контроль над тем, на что тратятся его деньги. В целях защиты своих прав инвесторы могут включать в ДКЗ пункты, запрещающие ООО отчуждать активы определенной стоимости без согласия заимодавца. Стороны вправе согласовать и прочие положения, которые они считают нужными и соответствующими их интересам. Но все вносимые в ДКЗ условия должны соответствовать законодательству и уставу компании [5, с. 290].

ДКЗ, в котором в роли заемщика выступает ООО, подлежит обязательному нотариальному удостоверению, в ином случае соглашение считается ничтожным. В течение двух рабочих дней нотариус должен внести сведения о договоре, включая информацию об инвесторе и доле, которую он получит по итогам успешной конвертации, в Единый государственный реестр юридических лиц.

Следует иметь в виду, что если инвестором является лицо из недружественной страны, то перед сделкой необходимо заручиться согласием Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. На это прямо указало Министерство финансов РФ в своих «Официальных разъяснениях № 1 по вопросам применения Указа Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618» (письмо Минфина России от 13 октября 2022 г. № 05-06-14РМ/99138). Для этого контрагенты подают соответствующее заявление, в котором указывают основные параметры сделки, цель ее совершения, а также предоставляют учредительные документы.

Таким образом, заключать ДКЗ стало возможным с июля 2021 г., после внесения соответствующих изменений в законодательство. Механизм заключения такого договора в России отличается рядом особенностей: с одной стороны, законодательство предусмотрело жесткие правила заключения ДКЗ, а с другой – предоставило сторонам определенную свободу в вопросе включения в соглашение тех или иных условий. Поэтому можно сделать вывод, что чем подробнее стороны урегулируют в договоре все аспекты взаимоотношений инвестора и ООО, тем меньше вероятность возникновения различных споров и тем проще сторонам достигнуть намеченной цели.

Перспективы развития механизма заключения ДКЗ связаны с разработкой четких правовых норм, регулирующих данные отношения, а также с определением налоговых последствий для инвесторов и компаний. Можно предложить пути и конкретные меры по дальнейшему совершенствованию освещаемого направления деятельности – необходимо внести изменения в Налоговый кодекс РФ и другие законодательные акты, чтобы учесть особенности конвертируемых займов и упростить процедуру их оформления. Также важно обеспечить исполнение законодательства и контроль за его соблюдением со стороны государственных органов.

Список источников

1. Сушкова О. В. Конвертируемый займ как механизм развития стартапов / О.В. Сушкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12 (100). – С. 110–117.
2. Богданов А.В. Правовое регулирование договора конвертируемого займа в корпоративных отношениях / А.В. Богданов // Ex Jure. – 2022. – № 2. – С. 64–75.
3. Качалова А.В. Договор конвертируемого займа / А.В. Качалова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 11 (87). – С. 206–215.
4. Шпак А.В. К вопросу о правовом регулировании конвертируемого займа в отечественном праве / А.В. Шпак, С.В. Михайлов // Юрист-правовед. – 2023. – № 2 (105). – С. 46–51.
5. Телибекова Д.Б. Применение договора конвертируемого займа в корпоративных отношениях / Д.Б. Телибекова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 288–291.

References

1. Sushkova O.V. Convertible Loan as a Mechanism for Startup Development. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 12 (100), pp. 110–117. (In Russian).
2. Bogdanov A.V. The Legal Regulation of the Convertible Loan Agreement in Corporate Relations. *Ex Jure*, 2022, no. 2, pp. 64–75. (In Russian).
3. Kachalova A.V. Convertible Loan Agreement. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, no. 11 (87), pp. 206–215. (In Russian).
4. Shpak A.V., Mikhailov S.V. To the Issue of Legal Regulation of a Convertible Loan in Domestic Law. *Jurist-Pravoved = Lawyer-Jurist*, 2023, no. 2 (105), pp. 46–51. (In Russian).
5. Telibekova D.B. Application of a Convertible Loan Agreement in Corporate Legal Relations. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 7 (223), pp. 288–291. (In Russian).

Информация об авторе

Ермоленко Руслан Игоревич –
аспирант кафедры гражданского
права

Information about the Author

Ermolenko Ruslan Igorevich –
Postgraduate Student of the Chair of
Civil Law

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 13.08.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 13.08.2024.

Научная статья

УДК 349.444

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.4

Крюкова Елена Сергеевна^{1, 2}, Янченко Ирина Павловна^{1, 3}

¹Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия

²kr-elena1203@mail.ru.

³irlio.yan@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Институт управления многоквартирными домами – ключевая составляющая жилищной сферы, служащая цели создания безопасных и благоприятных условий проживания граждан. От состояния общего имущества зависят надежность и безопасность всего дома, благополучие и комфортные условия, гарантии жизни и здоровья жильцов. Цель: провести комплексный анализ правового режима общего имущества многоквартирного дома, выявить проблемы правоприменительной практики, рассмотреть вопросы реконструкции помещений общего пользования и допустимости изменения состава общего имущества. Методы: в работе использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. Результаты: сделаны выводы о направленности и пределах права собственников помещений на формирование состава общего имущества своего дома. Определено, что решения собраний собственников об установлении ограниченного (в сравнении с законом) комплекса общего имущества не соответствуют заложенному законодателем смыслу наделения собственников такими полномочиями, при этом подчеркнуты неблагоприятные последствия возможных изъятий из состава общего имущества отдельных компонентов, обеспечивающих целостность всего комплекса.

Ключевые слова: общее имущество многоквартирного дома, реконструкция, общее собрание собственников

Для цитирования: Крюкова Е.С. Проблемы определения состава общего имущества многоквартирного дома: правовой аспект / Е.С. Крюкова, И.П. Янченко. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 42–50.

Original article

Kryukova Elena Sergeevna^{1, 2}, Yanchenko Irina Pavlovna^{1, 3}

¹Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

²kr-elena1203@mail.ru

³irlio.yan@gmail.com

PROBLEMS OF DETERMINING THE COMMON PROPERTY OF AN APARTMENT COMPLEX: LEGAL ASPECT

Abstract. The institute of the apartment complex management is a key component of the housing sector that serves the purpose of creating safe and favourable living conditions for citizens. Reliability and safety of the entire building, well-being and comfort conditions, guarantees of tenants' life and health depend on the condition of the common property. The purpose is to analyse the legal regime of the apartment complex common property, to identify problems of law enforcement practice, to consider the issues of reconstruction of common use premises and the admissibility of changing the common property. Methods: general scientific and private scientific methods were used in the research. Results: conclusions about the orientation and limits of the apartment complex owners' right to form the common property of their house are made. The authors come to the conclusion that the owners meetings' decisions to establish a limited (in comparison with the law) complex of common property do not correspond to the meaning of granting such rights to the owners, laid by the legislator and the unfavourable consequences of possible withdrawals from common property of individual components that ensure the integrity of the whole complex are emphasized.

Keywords: *common property of the apartment complex, reconstruction, general meeting of owners*

For citation: Kryukova E.S., Yanchenko I.P. Problems of Determining the Common Property of an Apartment Complex: Legal Aspect. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 42–50. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.4.

Введение. Жилищная сфера, в силу своей социальной значимости, всегда нуждалась во всестороннем, четком и детальном правовом сопровождении. Институт управления многоквартирными домами выступает узловым элементом обозначенной отрасли, принимая во внимание его нацеленность

на создание безопасных и благоприятных условий проживания граждан. Как справедливо отмечено в теории, от состояния общего имущества зависят надежность и безопасность всего дома, благополучие и комфортные условия, гарантии жизни и здоровья жильцов [1].

Несмотря на постоянное развитие и обновление жилищного законодательства, в отмеченном сегменте остаются вопросы, касающиеся правового режима общего имущества многоквартирного дома, особенно допустимости изменения его состава и функционала. Действующая нормативная база не позволяет сделать однозначных выводов, что порождает трудности и вызывает многочисленные споры в правоприменительной деятельности.

Проблемы состава общего имущества многоквартирного дома. Для разрешения обозначенных проблем следует обратиться к понятию общего имущества многоквартирного дома и перечню входящих в его состав объектов. Не вдаваясь в дискуссию о квалификации общего имущества в системе вещей как объектов гражданского оборота [2; 3], присоединимся к доктринальной трактовке последнего посредством категории «имущественный комплекс» [4, с. 34], учитывая разнородность образующих его элементов и наличие объединяющего их назначения. В науке предложено использовать три основных критерия для отнесения того или иного объекта к общему имуществу дома: территориальный (определяющий расположение элемента в доме либо на земельном участке), целевой (указывающий на обслуживание с его помощью более одного помещения) и остаточный (подтверждающий, что объект не является частью самостоятельного с точки зрения принадлежности помещения) [4, с. 35].

Попутно отметим: вопрос о том, что именно выступает объектом управления, также вызывает научные споры, в рамках которых одни исследователи называют таковым исключительно общее имущество дома [5, с. 73; 6], другие, напротив, обосновывают подход, согласно которому управление осуществляется в отношении всего многоквартирного дома¹ [7, с. 7]. Причем сам законодатель непоследователен при выявлении объекта управленческой деятельности, что и послужило, на наш взгляд, почвой для возникшей дискуссии.

Перечисленные в законе составляющие общего имущества дифференцированы в зависимости от видовой принадлежности и функционала последних (земельный участок, помещения, оборудование и пр.) – ст. 36 ЖК РФ. Такое структурное деление упрощает процесс отнесения того или иного имущества дома к общему и предотвращает возможность его необоснованного присоединения кем-либо из собственников к своему личному. Помимо этого, постановление Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491 «Об утверждении

¹ Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. О.А. Городова. М. : Проспект, 2007. С. 276.

Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме...»¹ (далее – Постановление № 491) детализирует базовый перечень.

В литературе также поднималась смежная проблема отнесения к общему имуществу отдельных объектов инфраструктуры, обслуживающих сразу два и более дома, – центральных тепловых пунктов и распределительных трансформаторных подстанций, расходы на создание которых в ходе долевого строительства, как правило, были заложены в цену договора. Возникающие сложности относительно их юридической судьбы, включая содержание и обслуживание, вызваны, по мнению авторов, отсутствием четких формулировок законодательства об их принадлежности [8]. Поскольку такие объекты обслуживают одновременно несколько домов, исследователи небезосновательно предлагают дополнить ЖК РФ отдельными положениями об общем имуществе жилого комплекса.

Общее имущество может характеризоваться как количественными, так и качественными показателями. В первую очередь это перечень многообразных взаимосвязанных элементов, во вторую (данный признак свойствен лишь части его составляющих) – размер площади земельного участка под домом, включая придомовую территорию и площади входящих в его состав помещений совместного пользования.

Поскольку состав общего имущества в доме при его юридической целостности неоднороден, критерий отнесения к такому имуществу по признаку обслуживания более одного помещения установлен не для всего набора компонентов, а только для оборудования. При этом крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции дома императивно входят в состав общего имущества².

Большая часть споров касательно обслуживания и устранения повреждений общего оборудования и инфраструктуры дома связана с объектами, расположенными внутри квартир. В ходе разрешения таких споров суды неоднократно подчеркивали, что принадлежность к общему имуществу пред-

¹ Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность : постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 34, ст. 3680.

² Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 11.07.2023 № 18788-ОГ/00 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

полагает возможное нахождение объекта как вне, так и внутри помещения при условии выполнения им общецелевого функционала¹.

Наряду с перечисленными предложенные в теории критерии деления объектов общего имущества в зависимости от выполняемых функций (обслуживания, эксплуатации) или благоустройства либо предназначённости (для обеспечения нормальной эксплуатации самого дома либо для удовлетворения интересов проживающих в нем граждан) [9] только подчеркивают их взаимообусловленность и целевую монолитность.

Законодатель не исключает пополнения имущественного комплекса за счет дополнительного строительства, приобретения и обновления инфраструктуры, замены оборудования и пр. Так, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства в своем письме подтвердило соответствие домофонов признакам общего имущества при наличии соответствующего решения собственников либо при условии установки такой системы на момент ввода многоквартирного дома в эксплуатацию. Однако при приобретении отдельными собственниками и отсутствии согласительных процедур домофонная конструкция принадлежит тому лицу (лицам), которое ее приобрело и установило². Как следствие, формируются разные правила несения расходов на содержание домофонов и порядок пользования ими.

Для надлежащего содержания общего имущества собственникам помещений многоквартирного дома, согласно Постановлению № 491, предоставлена возможность (а точнее – закреплена необходимость) определять состав общего имущества. Аналогичным правом, но в иных соответствующих компетенции целях (контроль, надзор, проведение конкурсов) наделены органы государственной власти и местного самоуправления.

Правовой режим общего имущества не предполагает его единоличного использования, любые действия в отношении имущественного комплекса требуют соблюдения строго установленной процедуры согласования интересов всех собственников посредством проведения общего собрания и принятия необходимого решения, что подтверждается и выводами судебной практики³. Единство имущественного комплекса обеспечено своеобразным режимом общей долевой собственности в здании – недопустимостью для собственника выдела в натуре своей доли (ст. 37 ЖК РФ).

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4. 2016, утв. Президиумом ВС РФ от 20.12.2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 15.06.2023 № 16419-ОГ/00 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1. 2021, утв. Президиумом ВС РФ от 07.04.2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Основываясь на наличии количественных и качественных показателей имущественного комплекса, изменения последнего возможны как в рамках состава, так и по размеру. Применительно к размеру ЖК РФ предусматривает возможность уменьшения общего имущества путем реконструкции при единогласном решении собственников. Другие варианты уменьшения специально не оговорены законодателем.

При этом даже возможность реконструкции и процедура ее совершения требуют более детального подхода. Так, судебная практика изобилует спорами о квалификации тех или иных действий как реконструкции. Например, споры развернулись вокруг консервации мусоропровода и определения порядка принятия общим собранием соответствующего решения (выявления требуемого количества голосов), который напрямую обусловлен решением вопроса о том, относятся ли данные работы к реконструкции. Суды в большинстве случаев пришли к выводу об отсутствии факта уменьшения общего имущества в указанной ситуации, поскольку сама конструкция сохраняется. Имеет место замена варианта удаления и вывоза бытовых отходов и мусора посредством установки контейнеров, что не противоречит действующему жилищному законодательству (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 января 2015 г. № Ф06-19214/2013 по делу № А55-7348/2014, постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2020 г. по делу № А84-1645/2020).

Мы согласны с тем, что формально уменьшения общего имущества в указанной ситуации действительно нет, вместе с тем фактически можно говорить о прекращении пользования общим имуществом, поскольку оборудование (часть общего имущества) перестало выполнять функции, для которых было предназначено.

В качестве результата обобщения судебной практики можно констатировать насущную потребность в раскрытии понятия «реконструкция» в жилищном законодательстве применительно к многоквартирному дому и конкретизации предоставленной собственникам таким способом возможности.

В ходе эксплуатации имущества в домах с различными способами управления не исключена модернизация элементов последнего, появление улучшений и создание новых объектов благоустройства, что может повлечь проблему разграничения общего имущества собственников и имущества управляющей в доме некоммерческой корпорации, организовавшей такое мероприятие [10]. Полагаем, судьба вновь образованного имущества во многом зависит от условий, порядка создания и источников финансирования строительства или приобретения последнего. Как правило, в большинстве случаев речь идет об увеличении общего имущества собственников.

Заключение. Законодатель наделяет собственников правом определять состав общего имущества своего дома в целях его максимальной конкретизации применительно к каждому отдельному дому для удобства и эффективности управления им, подразумевая под этим не возможность произвольного формирования соответствующего перечня (особенно в части изъятия части объектов), а необходимость его уточнения и дополнения, исходя из конструктивных и иных особенностей здания.

В свете сказанного считаем, что решения собраний собственников помещений об установлении ограниченного (в сравнении с законом) комплекса имущества, в частности посредством исключения из него оборудования, находящегося внутри квартир, но обслуживающего более одного помещения в доме, не соответствуют заложенному законодателем смыслу наделения собственников такими правомочиями. Подобное волеизъявление может привести к нарушению принципа неразрывности отмеченной системы, повреждению структурной сплоченности ее звеньев, создать угрозу ее безопасному функционированию, так как ограничивает возможность профессионального контроля за состоянием и содержанием отделенных элементов. ЖК РФ неслучайно закрепил отлаженный механизм управления, представленный несколькими вариантами, распространенными на все составляющие общего имущества и способными обеспечить комфортные и надежные условия проживания граждан.

Ненадлежащее обслуживание одного из компонентов, соединенного одним назначением, но выпавшего из системы, может повлечь нарушение ее целостности.

Во избежание споров о сути и признаках процесса реконструкции в многоквартирном доме, четком разграничении отмеченных действий с перепланировкой и переустройством в здании целесообразно конкретизировать возможный набор работ в Постановлении № 491, строение и содержательное наполнение которого позволяют это сделать.

Принимая во внимание специфику современной застройки, поддерживаем предложения по включению в ЖК РФ норм о режиме общего имущества жилищного комплекса. Наличие соответствующих правил в подзаконном нормативном массиве должно опираться на базовые положения кодификационного акта.

Список источников

1. Кудина С.А. Понятие, признаки и состав общего имущества многоквартирного дома / С.А. Кудина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2017. – № 2. – С. 28–31.

2. Свит Ю.П. Понятие и правовой режим общего имущества многоквартирного дома / Ю.П. Свит // *Жилищное право*. – 2006. – № 6. – С. 2–10.

3. Тарасова А.Е. Оборотоспособность объектов общего имущества в многоквартирном доме / А.Е. Тарасова // *Жилищное право*. – 2006. – № 11. – С. 65–70.

4. Маркова И.В. Управление общим имуществом в многоквартирном доме: проблемы и решения / И.В. Маркова. – Москва : Деловой двор, 2010. – 168 с.

5. Ермаков В.С. Концепция построения правовой системы управления общим имуществом кондоминиума (многоквартирного дома) / В.С. Ермаков // *Жилищное право*. – 2004. – № 2. – С. 72–87.

6. Рузанова В.Д. Особенности предоставления коммунальных услуг при многоуровневой системе управления многоквартирными домами / В.Д. Рузанова, Е.С. Крюкова // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2012. – № 12. – С. 20–24.

7. Жульева О.В. Договорные отношения в сфере управления многоквартирным домом в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.В. Жульева. – Волгоград, 2007. – 23 с.

8. Кирсанов А.Р. Общее имущество в жилых комплексах / А.Р. Кирсанов // *Гражданское право*. – 2020. – № 11. – С. 29–33.

9. Солопаев А.С. Право собственности собственников квартир в многоквартирном доме на общее имущество / А.С. Солопаев // *Вестник Удмуртского университета. Экономика и право*. – 2009. – Вып. 1. – С. 150–154.

10. Ломако Н.Н. Разграничение общего имущества собственников и имущества ТСЖ / Н.Н. Ломако // *Вестник Бурятского университета*. – 2011. – № 2. – С. 289–293.

References

1. Kudina S.A. Concept, Characteristics and Content of an Apartment Complex Common Property. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia = Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. С. 28–31. (In Russian).

2. Svit Yu.P. Concept and Legal Regime of an Apartment Complex Common Property. *Housing Law = Zhilishchnoe pravo*, 2006, no. 6, pp. 2–10. (In Russian).

3. Tarasova A.E. Turnover of Common Property Objects in an Apartment Complex. *Housing Law = Zhilishchnoe pravo*, 2006, no. 11, pp. С. 65–70. (In Russian).

4. Markova I.V. Management of Common Property in an Apartment Complex: Problems and Solutions. Moscow, Delovoj dvor Publ., 2010. 168 p.

5. Ermakov V.S. The Legal System's Concept for the Management of Condominium (apartment Complex) Common Property. *Housing Law = Zhilishchnoe pravo*, 2004, no. 2, pp. 72–87. (In Russian).

6. Ruzanova V.D., Krukova E.S. The Speciality of Providing Utility Services in the Concept of Apartment Blocks' Multilevel Management. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2012, no. 12, pp. 20–24. (In Russian).

7. Zhulieva O.V. Contractual Relations in the Sphere of an Apartment Complex Management of in Accordance with the Civil Legislation of the Russian Federation. *Cand. Diss. Theses*. Volgograd, 2007. 23 p.

8. Kirsanov A.R. Common Property in Apartment Complexes. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2020, no. 11, pp. 29–33. (In Russian).

9. Solopaev A.S. The Property Right of Apartment Owners to Common Areas in Apartment Houses (Condominiums). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2009, iss. 1, pp. 150–154. (In Russian).

10. Lomako N.N. Delimitation of Owners' Common Property and HOA Property. *Vestnik Buryatskogo universiteta = Bulletin of the Buryat University*, 2011, no. 2, pp. 289–293. (In Russian).

Информация об авторах

Крюкова Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права;

Янченко Ирина Павловна – лаборант юридической клиники

Information about the Authors

Kryukova Elena Sergeevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil and Business Law;

Yanchenko Irina Pavlovna – Legal Clinic Assistant

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 20.07.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 20.07.2024.

Научная статья
УДК 347.23
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.5

Ступин Павел Александрович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
stupin-pavel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8413-2216>

О ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ В СПОРАХ ПО ИСКАМ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема защиты права собственности добросовестного приобретателя при предъявлении к нему искового заявления прокурора об истребовании имущества. Актуальность исследования подтверждается большим количеством подобных дел в российских судах. Автором отстаивается точка зрения о невозможности истребования имущества у добросовестного приобретателя по искам органов прокуратуры, обосновывается необходимость проработки как на законодательном уровне, так и в доктрине права вопросов о публичном домене и национализации.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, право собственности, прокуратура, исковая давность, публичный домен

Для цитирования: Ступин П.А. О защите права собственности добросовестного приобретателя в спорах по искам органов прокуратуры / П.А. Ступин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 51–57.

Original article

Stupin Pavel Aleksandrovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
stupin-pavel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8413-2216>

THE BONA FIDE PURCHASER'S PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN DISPUTES ON PROSECUTION AUTHORITIES CLAIMS

Abstract. The article considers the problem of a bona fide purchaser's right to property protection when he is presented with a prosecutor's application on

the confiscation of property. The relevance of the study is confirmed by a large number of similar cases in Russian courts. The author defends the point of view that it is impossible to reclaim the property from a bona fide purchaser on claims of the prosecution authorities, and the author also justifies the need to elaborate both on the legislative level and in the doctrine of law the issues of public domain and nationalisation.

Keywords: bona fide purchaser, property right, prosecution authorities, time limit for claims, public domain

For citation: Stupin P.A. The Bona Fide Purchaser's Property Rights Protection in Disputes on Prosecution Authorities Claims. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 51–57. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.5.

Защита прав добросовестного приобретателя имущества является одним из ключевых факторов для развития торговых отношений и гарантией устойчивости экономического оборота. В гражданском законодательстве России закреплены положения о невозможности истребования имущества у добросовестного приобретателя.

26 марта 2024 г. состоялось расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ, участие в которой принял Президент РФ. Отдельное внимание в выступлении В.В. Путина было уделено защите прав предпринимателей, в частности было отмечено, что «конкурентная и привлекательная национальная юрисдикция, надежные гарантии добросовестно приобретенной собственности, активов – это важнейшее условие развития страны, экономического роста, создания новых рабочих мест»¹. Также было подчеркнуто, что о деприватизации экономики речь не идет, работа прокуроров оправданна в тех ситуациях, когда активы были приобретены с нарушением закона и используются во вред государству. Полномочия правоохранительных органов в корыстных целях, для давления на бизнес, участие в хозяйственных конфликтах, за которыми стоят недобросовестная конкуренция, разного рода схемы по переделу собственности недопустимы.

Однако уже 28 марта 2024 г. Генеральная прокуратура РФ подала исковое заявление в Центральный районный суд Челябинска об обращении в доход государства акций крупнейшего в стране производителя макаронных

¹ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/73735> (дата обращения: 14.04.2024).

изделий¹. Помимо этого, имеется многочисленная судебная практика, когда органы прокуратуры истребуют имущество, право собственности на которое возникло в 90 годы XX в. и у которого менялся собственник², из чужого владения, а также многочисленные дела по искам иных органов государственной власти об истребовании имущества.

Внимание на большое количество споров, инициированных органами прокуратуры в отношении земельных участков на Черноморском побережье, обращает В.П. Камышанский. В своих работах он анализирует практику судов Краснодарского края по искам прокуратуры о передаче земельных участков в федеральную собственность [1]. В подобных спорах основными доводами, на которых строится правовая позиция стороны ответчика, является пропуск истцом срока исковой давности и добросовестность конечного приобретателя, в чьей собственности имущество находится на момент спора.

Относительно исковой давности полагаем необходимым отметить, что единственным исключением из общего правила о том, что срок ее не может превышать 10 лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, являются случаи, установленные Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Очевидно, что споры, связанные с правом собственности на предприятия, недвижимое имущество или акции, не подпадают под регулирование указанного закона. В связи с тем, что органы прокуратуры позиционируют свои иски как иски в защиту публичных интересов, хотим отметить, что даже в уголовном праве имеются сроки давности, последствием пропуска которых является освобождение преступника от уголовной ответственности.

Деструктивной и вредной кажется складывающаяся судебная практика и для будущего развития общественных отношений и права. Если в настоящее время возможно истребование имущества, которое было отчуждено государством около 30 лет назад, то вполне реальна ситуация, что через 30 лет такие же иски могут быть удовлетворены и в отношении имущества, переданного из государственной собственности в наши дни, что не может позитивно сказаться на устойчивости гражданского оборота. На наш взгляд, в частноправовых отношениях, даже осложненных участием государства в какой-либо форме, не должно происходить размывание понятия исковой давности и выборочного применения данного института.

¹ Центральный районный суд г. Челябинска : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://centr--chel.sudrf.ru> (дата обращения: 14.04.2024).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.01.2024 по делу № А32-28986/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

В ст. 302 ГК РФ имеется правовой механизм защиты добросовестного приобретателя. Несмотря на сложность определения добросовестности приобретателя, данное основание для отказа в иске активно применяется судами и имеется большое количество разъяснений высших судов¹.

Отдельное внимание стоит уделить делу А50-21394/2022, рассмотренному Арбитражным судом Пермского края по иску прокурора Пермского края к юридическим и физическим лицам об истребовании обыкновенных именных акций. Количество ответчиков – физических лиц составило более 2000 человек. Особый интерес вызывает позиция ЦБ РФ, который просил отказать в удовлетворении требований прокурора. В обоснование ЦБ РФ сослался на положение п. 7.3 ст. 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах», согласно которому имущество, приобретенное по договору, заключенному на организованных торгах, не может быть истребовано у добросовестного приобретателя. Судом первой инстанции исковые требования были удовлетворены. Полагаем, что решение об истребовании у добросовестного приобретателя имущества, приобретенного на торгах, противоречит сути российского законодательства и подрывает стабильность экономического оборота. Еще одним существенным обстоятельством является тот факт, что торги, на основании которых были приобретены акции, недействительными не признаны, такое требование прокуратурой не заявлялось.

Неправильным кажется вывод суда первой инстанции о том, что срок исковой давности не пропущен, поскольку исковое заявление подано в трехгодичный срок после проведения прокурорской проверки. Препятствий для проведения проверки уполномоченным органом не имелось, соответственно, органы прокуратуры имели возможность и должны были провести соответствующую проверку в разумный срок, а не спустя более 25 лет с момента прекращения государственной собственности.

¹ См., например: Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева : постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

В.А. Лаптев указывает, что в соответствии с нормами действующего законодательства к заявлениям органов прокуратуры применяется общий подход, при котором должны обеспечиваться интересы добросовестных приобретателей, в том числе посредством применения принципа публичной достоверности государственных реестров. В ином случае может быть нарушена гарантия стабильности гражданского и торгового оборота [2].

На наш взгляд, иски органов прокуратуры об истребовании имущества за пределами срока исковой давности, а также к добросовестному приобретателю могут быть удовлетворены только в одном случае – если данное имущество изъято из гражданского оборота и в принципе не может находиться в частной собственности.

В законодательстве Франции сформулировано положение о публичных доменах, то есть имуществе, которое невозможно отчуждать или иным образом распорядиться им по своему усмотрению. Именно в отношении защиты прав на публичные домены исковая давность не распространяется. Более того, имеется ссылка и на добросовестность: они не могут поступить в собственность частного лица в силу истечения сроков приобретательной давности [3]. В отечественном праве наиболее близки к существу публичного домена земельные участки, изъятые из оборота, объекты, составляющие основу национального богатства страны, объекты оборонного производства и т. п.¹

В приведенных примерах судебной практики нельзя говорить об имуществе публичного домена. Государство в отношениях с предпринимателями является сильной стороной, обладает развитым аппаратом органов и ресурсами для отслеживания судьбы своего имущества. Некачественное исполнение контрольно-надзорных функций государственными органами не может быть оправданием для истребования имущества у добросовестного приобретателя.

Заинтересованность государства в различного рода активах не может служить достаточным обоснованием для удовлетворения иска прокурора об истребовании имущества у добросовестного приобретателя. Полагаем, что если государство заинтересовано в получении частного имущества, то необходимо развивать законодательство о национализации, на что неоднократно в своих работах указывала Л.В. Щенникова, отмечая, что в настоящее время отсутствует закон о национализации, хотя попытки его принять пред-

¹ О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность : постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

принимались, а в доктрине права данному институту не уделяется должного внимания [4, с. 95–104].

Относительно применения института национализации существует противоположная точка зрения. Так, К.И. Скловский считает, что национализация, конфискация, иные массовые экспроприации являются «произволом, лежат за пределами права и поэтому также не могут быть способами прекращения права собственности, как неправовые, даже если они будут узаконены» [5, с. 210–211].

Л.В. Щенникова, в свою очередь, полагает, что институт национализации необходим для обеспечения поступательного экономического развития, позволяет провести идею общественного интереса. Национализация должна быть возмездной, предусматривающей выплату равноценного и справедливого вознаграждения [4, с. 104].

Подводя итог, стоит отметить, что складывающаяся практика в судах общей юрисдикции и в системе арбитражных судов по искам органов прокуратуры к добросовестным приобретателям имущества о его истребовании в основном игнорирует положения закона о применении последствий пропуска срока исковой давности. Доводы о добросовестном приобретателе также не принимаются во внимание ни при подаче иска, ни при рассмотрении дела по существу. На наш взгляд, неприменение указанных гражданско-правовых институтов к поданным искам прокуратуры не может благоприятно сказаться ни на дальнейшем развитии отечественной правовой мысли, ни на экономических отношениях, поскольку отсутствует стабильность гражданского оборота и уверенность в том, что через какое-то время честно приобретенное имущество не будет истребовано в пользу государства.

Список источников

1. Камышанский В.П. К вопросу о законности признания сделки недействительной по иску прокурора в интересах неопределенного круга лиц и российской федерации в городе Сочи / В.П. Камышанский // Власть закона. – 2023. – № 2 (54). – С. 16–25.

2. Лаптев В.А. Участие прокурора в цивилистическом процессе в интересах публично-правовых образований / В.А. Лаптев // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 5. – С. 89–112.

3. Винницкий А.В. Доктрина публичной собственности в административном праве Франции / А.В. Винницкий // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 465–474.

4. Щенникова Л.В. Проблемы вещного права : монография / Л.В. Щенникова. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2022. – 208 с.

5. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – Москва : Статут, 2010. – 893 с.

References

1. Kamyshansky V.P. To the Question of the Legality of Recognizing a Deal Void at the Suit of the Prosecutor in the Interests of an Undefined Circle of Persons and the Russian Federation in the City of Sochi. *Vlast' zakona = Law and Power*, 2023, no. 2 (54), pp. 16–25. (In Russian).

2. Laptev V.A. Articipation of the Prosecutor in Civil Procedure in the Interests of Public-Law Entities. *Vestnik grazhdanskogo processa = Herald of Civil Procedure*, 2023, no. 5, pp. 89–112. (In Russian).

3. Vinnitsky A.V. The Doctrine of Public Property in the Administrative Law of France. *Administrativnoe i municipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2013, no. 5, pp. 465–474. (In Russian).

4. Shchennikova L.V. Problems of Property Law. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2022. 208 p.

5. Sklovsky K.I. Property in Civil Law. 5th ed. Moscow, Statut Publ., 2010. 893 p.

Информация об авторе

Ступин Павел Александрович –
аспирант кафедры гражданского
права Института права

Information about the Author

Stupin Pavel Aleksandrovich –
Postgraduate Student of the Chair
of Civil Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 14.09.2024; принята к публикации 14.09.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 14.09.2024; accepted for publication 14.09.2024.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**LABOUR LAW; SOCIAL WELFARE LAW**

Научная статья

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.6

Зарубин Дмитрий Викторович

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия,
dimaaa95.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2273-8626>

**РЕКОМЕНДАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
В ПРАКТИКЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Рекомендации Международной организации труда (далее – МОТ), содержащие нормы международного «мягкого» права, которые не носят обязывающего характера, играют важную роль в международно-правовом регулировании труда. Положения этих актов применяются на внутригосударственном уровне, в том числе посредством их использования судебными органами при принятии решений по трудовым и смежным с этими общественными отношениями спорам. Цель: выработать представление о месте рекомендаций МОТ в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации. Методы: для достижения поставленной цели использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования, к которым относятся методы формальной логики, теоретического и эмпирического познания, сравнительно-правовой метод и др. Результаты: сформулирован вывод о том, что международные нормы о труде, содержащиеся в рекомендациях МОТ, хотя и юридически необязательны для нашей страны, тем не менее используются российскими судами общей юрисдикции наряду с нормами национального законодательства в качестве средства правовой аргументации при принятии решения по делу. Это обуславливает позитивную тенденцию, свидетельствующую об уважительном отношении к международным трудовым стандартам в правоприменительной практике нашей страны.

Ключевые слова: международное трудовое право, Международная организация труда, рекомендация, суды общей юрисдикции, правоприменительная практика

Для цитирования: Зарубин Д.В. Рекомендации Международной организации труда в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации / Д.В. Зарубин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 58–65.

Original article

Zarubin Dmitry Viktorovich

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia,

dima95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2273-8626>

THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANISATION RECOMMENDATIONS IN THE GENERAL JURISDICTION COURT PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The International Labour Organisation (hereinafter ILO) recommendations, that contain international soft law norms which are not binding, play an important role in the international labour law. The provisions of these acts are applied at the national level, including through their use by judicial organs when making decisions on labour and related public relations disputes. Objective: to develop an idea of ILO recommendations' practical significance in the work of general jurisdiction courts in the Russian Federation. Methods: to achieve the goal we used general scientific and private scientific methods of the research, such as formal logic method, theoretical and empirical cognition methods, comparative-legal method and others. Results: the conclusion is formulated that international labour standards contained in ILO recommendations are not legally binding for our country, but they are nevertheless used by Russian courts of general jurisdiction with the national statutes as the legal argumentation when making a decision in a case. This is a positive trend that shows the respect for international labour standards in our country's enforcement practice.

Keywords: international labour law, International Labour Organisation, recommendation, general jurisdiction court, regulatory enforcement

For citation: Zarubin D.V. The International Labour Organisation Recommendations in the General Jurisdiction Court Practice in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 58–65. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.6.

Введение. Уставом МОТ предусмотрена возможность Международной конференции труда (далее – МКТ) принять рекомендацию по стоящему на ее обсуждении вопросу, если этот вопрос (или его отдельный аспект) не позволяет в этот момент принять по нему конвенцию (п. 1 ст. 19). По состоянию на август 2024 г. МОТ было принято 208 рекомендаций, положения которых охватывают широкий спектр вопросов в сфере труда. Вместе с тем существуют и определенные пробелы. В юридической науке, например, акцентируется внимание на том, что «за все время существования МОТ не было конвенции или рекомендации, которые бы закрепили и провозгласили международные трудовые стандарты в области профессионального спорта» [1, с. 24].

Следует отметить, что первые рекомендации МОТ приняты еще в 1919 г. – в год создания этой организации¹. Безусловно, развитие и усложнение общественных отношений в сфере труда, технологический прогресс, компьютеризация рабочих мест, появление новых форм занятости и т. д. стали причиной утраты актуальности ряда рекомендаций МОТ, то есть они перестали соответствовать современным требованиям в сфере труда.

Важно заметить, что МОТ проводится активная работа в части установления ее актуальных и устаревших актов. Кроме этого, особое внимание уделяется вопросу определения необходимых мер, направленных на обеспечение устойчивой актуальности в будущем тех актов МОТ, положения которых не являются современными в полной мере, но остаются таковыми в определенной степени. В целом, по сведениям информационной системы по международным трудовым стандартам NORMLEX², 83 рекомендации МОТ (или 39,9 % от их общего числа) в настоящее время (август 2024 г.) актуальны.

В юридической науке отмечается, что рекомендации МОТ «не носят обязывающего характера» [2, с. 113] и «представляют собой предложения о внесении изменений в соответствующие нормы национального законодательства» [3, с. 40]. Хотя данные международные акты не являются по своей сути международными договорами и не подлежат ратификации государствами – членами МОТ, тем не менее они находят применение на внутригосударственном уровне, в том числе посредством использования их положений судебными органами при принятии решений по трудовым и смежным с этими общественными отношениями спорам. В то же время рекомендации МОТ, дополняющие (конкретизирующие, расширяющие) соответствующие

¹ Международная организация труда создана в 1919 г. согласно разделу XIII «Труд» Версальского мирного договора.

² Recommendations [Электронный ресурс] // NORMLEX – Information System on International Labour Standards : сайт. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:12010:::P12010_INSTRUMENT_SORT:3 (дата обращения: 04.07.2024).

положения конвенций данной международной организации, нередко устанавливают более высокий уровень прав и гарантий в сфере труда.

Рекомендации МОТ в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации. В целях выработки представления о практическом значении рекомендаций МОТ в недавней практике российских судов общей юрисдикции будут рассмотрены отдельные решения, принятые в текущем – 2024-м – году. Анализ правоприменительной практики за этот период позволяет выделить три наиболее используемые судами общей юрисдикции в России рекомендации МОТ:

1) Рекомендация № 85 МОТ об охране заработной платы (далее – Рекомендация 85)¹, принятая 1 июля 1949 г. на 32-й сессии МКТ;

2) Рекомендация № 148 МОТ об оплачиваемых учебных отпусках (далее – Рекомендация 148)², принятая 24 июня 1974 г. на 59-й сессии МКТ;

3) Рекомендация № 198 МОТ о трудовом правоотношении (далее – Рекомендация 198)³, принятая 15 июня 2006 г. на 95-й сессии МКТ.

Интересно отметить, что первая и третья из названных рекомендаций являются актуальными актами МОТ (*up-to-date instruments*), положения которых в полной мере отвечают современным требованиям. Вторая включается МОТ в число актов с промежуточным статусом, который «окончательно не согласован странами – участниками МОТ» (*instruments with interim status*) [4, с. 154].

Рекомендация 85 используется российскими судами общей юрисдикции по делам о взыскании материального ущерба в связи с трудовыми отношениями⁴. Так, суды, формируя вывод о необходимых условиях для наступления материальной ответственности работника за причиненный работодателю ущерб, наряду с нормами российского законодательства, обраца-

¹ Рекомендация 85 об охране заработной платы [Электронный ресурс] // Международная организация труда : сайт. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r085_ru.htm (дата обращения: 01.07.2024).

² Рекомендация 148 об оплачиваемых учебных отпусках [Электронный ресурс] // Международная организация труда : сайт. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r148_ru.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

³ Рекомендация 198 о трудовом правоотношении [Электронный ресурс] // Международная организация труда : сайт. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r198_ru.htm (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ См., например: Решение Тындинского районного суда Амурской области от 17.01.2024 по делу № 2-87/2024 [Электронный ресурс] // Тындинский районный суд Амурской области : сайт. URL: <https://tindinskiy--amr.sudrf.ru> (дата обращения: 04.07.2024).

ются и к подп. 1 п. 2 Рекомендации 85, в котором устанавливается возможность удержания из заработной платы для возмещения потерь или ущерба, причиненных работодателю, только в тех случаях, когда может быть ясно доказано, что ответственность за них несет соответствующий работник.

Рекомендация 148 используется российскими судами общей юрисдикции при рассмотрении споров о включении периодов нахождения работника на курсах повышения квалификации и (или) в учебных отпусках в специальный стаж работы, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии¹. В целом при рассмотрении обозначенных вопросов суды в качестве средства правовой аргументации своей позиции вместе с нормами российского законодательства используют п. 21 Рекомендации 148, в котором предусматривается необходимость приравнивания периода оплачиваемого учебного отпуска² к периоду фактической работы для установления права на социальные пособия и других прав, вытекающих из трудовых отношений.

Российские суды общей юрисдикции используют Рекомендацию 198, в частности ее п. 2, 9, 13, вместе с нормами российского законодательства при рассмотрении дел о признании отношений трудовыми (об установлении факта трудовых отношений)³. Говоря о практической значимости данного между-

¹ См., например: Решение Находкинского городского суда Приморского края от 23.01.2024 по делу № 2-333/2024 [Электронный ресурс] // Находкинский городской суд Приморского края : сайт. URL: https://nahodkinsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=97567521&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 02.07.2024) ; Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 24.01.2024 по делу № 2-5024/2023 [Электронный ресурс] // Октябрьский районный суд г. Ставрополя : сайт. URL: https://oktyabrsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=376501017&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 02.07.2024).

² В п. 1 Рекомендации 148 термин «оплачиваемый учебный отпуск» определен как отпуск, предоставляемый работнику для целей образования на определенный период в рабочее время с выплатой соответствующего денежного обеспечения.

³ См., например: Решение Первоуральского городского суда Свердловской области от 18.01.2024 по делу № 2-3855/2023 [Электронный ресурс] // Первоуральский городской суд Свердловской области : сайт. URL: https://pervouralsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=414727649&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 05.07.2024) ; Заочное решение Приморского районного суда Архангельской области от 19.01.2024 по делу № 2-1983/2023 [Электронный ресурс] // Приморский районный суд Архангельской области : сайт. URL: https://primsud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=209977728&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 05.07.2024).

народного акта, представляется важным заострить внимание на п. 13, содержащем конкретные признаки существования трудового правоотношения¹.

Заключение. Хотя содержащиеся в рекомендациях МОТ международные нормы о труде необязательны для нашей страны, они используются российскими судами общей юрисдикции вместе с нормами российского законодательства в качестве средства правовой аргументации при принятии решения по делу. В юридической науке справедливо акцентируется внимание на том, что «большие усилия при применении норм международного трудового права прилагают КС РФ и ВС РФ, чья правоприменительная практика является флагманской для всей системы российского права» [5, с. 73]. Одновременно с этим представляется, что использование рекомендаций МОТ в практике российских судов общей юрисдикции обуславливает позитивную тенденцию, свидетельствующую об уважительном отношении к международным трудовым стандартам в правоприменительной практике нашей страны.

Список источников

1. Бекашев Д.К. Актуальные направления деятельности Международной организации труда по прогрессивному развитию международного трудового права / Д.К. Бекашев, В.Г. Микрина // Право и управление. XXI век. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 21–31.

¹ В п. 13 Рекомендации 198 указывается, что к признакам существования трудового правоотношения могли бы относиться следующие элементы:

1) работа выполняется в соответствии с указаниями и под контролем другой стороны, предполагает интеграцию работника в организационную структуру предприятия, выполняется исключительно или главным образом в интересах другого лица, выполняется лично работником и в соответствии с определенным графиком или на рабочем месте, которое указывается или согласовывается стороной, заказавшей ее, имеет определенную продолжительность и подразумевает определенную преемственность, требует присутствия работника, предполагает предоставление инструментов, материалов и механизмов стороной, заказавшей работу;

2) периодическая выплата вознаграждения работнику, которое является единственным или основным источником его доходов, оплата труда в натуральном выражении путем предоставления работнику, к примеру, пищевых продуктов, жилья или транспортных средств, признание таких прав, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск, оплата стороной, заказавшей проведение работ, поездок, предпринимаемых работником в целях выполнения работы, или то, что работник не несет финансового риска.

2. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека: учебное пособие / Р.Ш. Давлетгильдеев. – Москва : РУДН, 2017. – 509 с.

3. Тлепина Ш.В. Конвенции и рекомендации Международной организации труда в стратегии развития здравоохранения в странах Организации экономического сотрудничества и развития / Ш.В. Тлепина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 38–47.

4. Гусов К.Н. Международное трудовое право : учебник / К.Н. Гусов, Н.Л. Лютов. – Москва : Проспект, 2014. – 592 с.

5. Сыченко Е.В. Применение норм международного трудового права в судебной практике / Е.В. Сыченко, Э.Ю. Антюхина // Мониторинг правоприменения 2022–2023 : труды экспертов СПбГУ / науч. ред. С.А. Белова, Н.М. Кропачева. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2023. – С. 60–75.

References

1. Bekyashev D.K., Mikrina V.G. Current Areas of International Labour Organization Activity for the Progressive Development of International Labour Law. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 21–31. (In Russian).

2. Davletgildeev R.Sh. International Legal Protection of Human Labour Rights. RUDN University Publ., 2017. 509 p.

3. Tlepina Sh.V. International Labour Organisation Conventions and Recommendations in Health Development Strategies in Organisation for Economic Cooperation and Development Countries. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo un-iversiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uversity*, 2021, no. 2, pp. 38–47. (In Russian).

4. Gusov K.N., Lyutov N.L. International Labour Law. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 592 p.

5. Sychenko E.V., Antyukhina E.Yu. Application of the norms of international labour law in judicial practice. In Belov S.A., Kropachev N.M. (eds.). *Monitoring of Law Enforcement 2022–2023. Works of St. Petersburg State University Experts*. St. Petersburg University Publ., 2023, pp. 60–75. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Зарубин Дмитрий Викторович –
кандидат юридических наук, ассистент
кафедры конституционного
и административного права

Zarubin Dmitry Viktorovich –
*Candidate of Sciences (Law), Teaching
Assistant of the Chair of Constitutional
and Administrative Law*

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 13.08.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 13.08.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья

УДК 343.271

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.7

Шемякин Дмитрий Викторович

ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия,

shemyakin_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0996-4389>

**РОЛЬ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В СНИЖЕНИИ УРОВНЯ
УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ: ПОЗИЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ,
МНЕНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ**

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы, связанные с необходимостью введения в систему уголовного законодательства современной России института уголовного проступка, наличие которого будет способствовать неукоснительному соблюдению принципа справедливости и индивидуализации уголовной ответственности и наказания с учетом направлений современной российской уголовной политики. Анализируются уже имеющиеся на сегодняшний день законопроекты, в которых предлагается такое дополнение уголовного закона, с указанием на их отличия. Предложены пути повышения эффективности действующей системы уголовного закона в случае введения института уголовного проступка.

Ключевые слова: система уголовного закона, уголовная политика, реформирование, гуманизация, наказание, индивидуализация и дифференциация уголовной ответственности

Для цитирования: Шемякин Д.В. Роль уголовного проступка в снижении уровня уголовной репрессии: позиция законодателя, мнение научного сообщества и правоприменителя / Д.В. Шемякин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 66–75.

Original article

Shemyakin Dmitry Viktorovich

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow,
Moscow, Russia, shemyakin_dmitriy@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0996-4389>

**THE ROLE OF CRIMINAL OFFENSE IN REDUCING THE LEVEL
OF CRIMINAL REPRESSION: POSITION OF LEGISLATOR,
SCIENTIFIC COMMUNITY AND LAW ENFORCEMENT OFFICIALS**

Abstract. The author of the research examines problematic issues related to the need to introduce the institution of criminal offense into the criminal law system of modern Russia as one of the components of strict observance of the principle of justice and individualisation of criminal responsibility and punishment, taking into account the directions of modern Russian criminal policy. The relevant draft laws that are already available to date are being analysed, which also propose legislative solutions for such an addition to the criminal law, indicating differences in the solutions proposed by the author. The ways of increasing the effectiveness of the current criminal law system are proposed in the case of a positive decision by the legislator to introduce the institution of criminal offense.

Keywords: criminal law system, criminal policy, reform, humanisation, punishment, individualisation and differentiation of criminal liability

For citation: Shemyakin D.V. The Role of Criminal Offense in Reducing the Level of Criminal Repression: Position of Legislator, Scientific Community and Law Enforcement Officials. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 66–75. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.7.

Сегодня среди научных работников и практикующих юристов ведется дискуссия о целесообразности введения в УК РФ института уголовного проступка, его значении для дальнейшего реформирования уголовной политики в направлении снижения уровня уголовной репрессии. Актуальность данного вопроса для российской уголовно-правовой науки подчеркнута в выступлении Президента РФ на X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 г.¹ Либерализация уголовного законодательства повлечет декриминализацию и

¹ Права и свободы граждан незыблемы: выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на X Всероссийском съезде судей // Адвокатская газета : сайт URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vladimir-putin-prava-i-svobody-grazhdan-nezyblemy> (дата обращения 17.07.2024).

депенализацию тех видов деяний, которые не представляют большой опасности для общества по сравнению с другими преступлениями.

В 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ выступил с законодательной инициативой, которая заключалась в закреплении понятия уголовного проступка в уголовном законодательстве и отнесении к проступкам 83 составов – преступлений небольшой степени тяжести, не предусматривающих ответственности в виде лишения свободы. На момент внесения инициативы за такие деяния было осуждено более 40 тыс. человек.

Однако данный законопроект был критично встречен и учеными, и практиками, и даже представителями высшей судебной инстанции, поскольку из его содержания не было понятно, о чем именно идет речь – о преступлении небольшой тяжести или о проступке, который преступлением не является. Не получила инициатива поддержки и со стороны Правительства РФ.

В 2020 г. Верховным Судом РФ на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен новый проект федерального закона¹, в котором количество составов, относимых к уголовным проступкам, было увеличено до 112 (на момент внесения инициативы за такие деяния было осуждено 68 044 человек), среди них 53 состава – преступления в сфере экономики, из которых 36 – преступления в сфере экономической деятельности, а также деяния, предусматривающие наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

Несмотря на столь значительную редакцию и положительное заключение, в котором отмечено, что «внедрение альтернативных уголовному наказанию способов урегулирования уголовно-правового конфликта, включая иные меры уголовно-правового характера ... в целом призвано способствовать снижению числа лиц, имеющих судимость», и этот законопроект принят не был.

В этой связи представляется необходимым высказать ряд аргументов в пользу позиции Верховного Суда РФ. Так, представленные концептуальные наработки в исследуемом документе имеют своей целью детальное уточнение природы совершаемых противоправных деяний при обязательном учете характера и степени их общественной опасности, а также характеристик личности виновного, что в целом направлено на неукоснительное соблюдение принципиальных положений уголовного законодательства, касающихся индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности и наказания.

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 24 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.07.2024).

Характеризуя степень интереса, вызванного указанными предложениями, прозвучавшими в пользу принятия законодательного решения о включении уголовного проступка в сферу действия УК РФ, нельзя не отметить и полемику вокруг данного вопроса в научной среде и среди практикующих юристов, непосредственно затрагивающую положения предлагаемого законопроекта, а также связанную с необходимостью дальнейшей модернизации уголовно-правовых и административно-правовых установлений, касающихся ответственности за совершение различных противоправных деяний, что свидетельствует о том, что и ученые, и правоприменители заинтересованы в окончательном решении вопроса о введении уголовного проступка в систему российского уголовного законодательства, несмотря на то что отнесение к уголовным проступкам отдельных противоправных деяний вызывает большие сомнения.

При этом в юридической литературе высказывается точка зрения, связанная с отсутствием каких-либо значимых предпосылок, которые могли бы обусловить принятие Государственной Думой соответствующего закона [1, с. 129]. Анализ научной литературы показал, что дискуссия о необходимости законодательного закрепления уголовного проступка велась еще в советский период. Сторонники законодательного закрепления этого института – С.Г. Келина [2, с. 51], Г.А. Кригер [3, с. 89], Н.Ф. Кузнецова [4, с. 189], М.Д. Шаргородский [5, с. 83] и др. – обосновывали свою позицию необходимостью классификации преступных деяний на виды с учетом реальной степени их общественной опасности, личностных характеристик преступников. В настоящее время указанную точку зрения поддерживают С.В. Максимов¹, Е.В. Рогова [6, с. 30–31], В.Ф. Цепелев [7], Б.Я. Гаврилов [8, с. 344] и др. При этом предлагаемые в результате научных дискуссий изменения уголовного закона, связанные с законодательным оформлением уголовного проступка, сегодня вполне учитывают и направления осуществляемой государством² политики, имеющей целью дальнейшую либерализацию уголовной ответственности, что подчеркивается видными представителями науки, например А.И. Алексеевым, В.С. Овчинским и Э.Ф. Побегайло [9, с. 121–122], Б.Я. Гавриловым [10, с. 117] и рядом других ученых, которые ратуют за акцентирование на необходимости дифференцированного подхода к назначе-

¹ УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html> (дата обращения: 15.07.2024).

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

нию справедливого наказания за совершенное деяние при обязательном учете фактической степени его общественной опасности.

Говоря о введении уголовного проступка в УК РФ, необходимо обратить внимание и на криминологическое обоснование такого правотворческого решения. Очевидно, что исследуемая категория позволяет с достаточной необходимостью говорить о важности уточнения основных параметров преступности на современном этапе развития российского общества с учетом происходящих геополитических событий в стране и мире.

Также стоит сказать, что само изучение криминологической характеристики предполагаемых к отнесению к уголовным проступкам деяний свидетельствует о существенных трудностях в ее оценке, связанных с тем, что значительное число преступных деяний, которым присуща небольшая тяжесть, к сожалению, зачастую остаются не отраженными в уголовно-правовой статистике по причине отсутствия должного уровня ее достоверности.

Таким образом, сформировались две основные позиции, касающиеся уголовного проступка, что дает основание говорить и о двух главенствующих точках зрения во взглядах на то, как и каким образом анализируемая категория должна быть включена в ту совокупность уголовно-правовых норм, которые на сегодняшний день представляют собой своеобразную систему с присущими ей, как и любой системе в целом, системными связями, системообразующими факторами и системосохраняющими механизмами. Данные позиции уже достаточно проработаны усилиями представителей юридического сообщества, что само по себе является положительным для законодательного формулирования соответствующих правовых норм. В частности, сегодня есть основания говорить о включении в УК РФ отдельной главы, посвященной понятию и видам уголовного проступка, видам наказаний за его совершение, условиям и гарантиям освобождения от уголовной ответственности и наказания и т. п.

Не менее интересна позиция, сторонники которой предлагают считать уголовный проступок особой разновидностью преступления, то есть поддерживают предложения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в первом проекте соответствующего федерального закона.

По нашему мнению, исходя из сущностно-содержательных характеристик, проступок есть проявление преступления, то есть это преступное деяние, и оно должно быть закреплено в тексте уголовного закона. На целесообразность такого понимания правовой природы уголовного проступка и необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовное законодательство указывает и С.В. Максимов, говоря о том, что перспективным направлением уголовной политики на современном этапе является сосредоточение усилий ученых по созданию кодекса уголовных про-

ступков и его последующему включению в систему общего кодифицированного акта [11, с. 353].

Вместе с тем существует и другая точка зрения. Так, профессор В.Ф. Цепелев считает целесообразным в данном случае вести речь в контексте дифференцированного подхода к уголовной ответственности: деяния, совершение которых влечет для виновного максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до одного года, он предлагает включить в КоАП РФ, а деяния, за которые предусмотрена ответственность в виде лишения свободы максимум до двух лет, оставить в УК РФ, отнеся их к уголовным проступкам [7].

В перспективе включение понятия уголовного проступка в УК РФ позволит решить и вопрос, связанный с применением положений ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности противоправного деяния. Эта оценочная категория вызывает серьезные споры среди правоприменителей, поскольку предполагает расширение пределов усмотрения как при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении либо о его прекращении на этапе предварительного расследования, так и по результатам рассмотрения уголовного дела в суде, расширяя пределы судебской дискреции.

Более того, как представляется, основополагающим в принятии законодателем решения о включении уголовного проступка в поле действия современного УК РФ остается значительное несоответствие показателей уголовно-правовой статистики. В этой связи актуальным остается высказывание профессора В.В. Лунеева по поводу того, что современное российское общество и каждый гражданин в отдельности не может даже предполагать, каков реальный объем преступных деяний, состояние преступности в целом, средств противодействия ей и принимаемых законодателем соответствующих мер, а также объем финансовых затрат, требующихся для борьбы с преступностью [12, с. 52].

Таким образом, включение в разряд уголовных проступков преступлений небольшой тяжести с одновременным переводом из разряда административных отдельных правонарушений и исключение ч. 2 ст. 14 УК РФ позволит адекватно оценить характер и степень общественной опасности совершаемых деяний, дифференцировать их на преступления и уголовные проступки.

В заключение приведем статистические данные о количестве осужденных за те преступления, которые Верховный Суд РФ в своем втором законопроекте от предложил отнести к уголовным проступкам (см. табл.).

Число осужденных за отдельные виды преступления в 2022 г.

Статья УК РФ	ч. 1 ст. 158	ч. 1 ст. 159	ч. 1 ст. 159 ³	ч. 1 ст. 160	ч. 1 ст. 165	ч. 1 ст. 167	ст. 168
Всего осуждено	40 402	3312	37	1759	21	1786	155
К лишению свободы	11 404 – 28,2 %	646 – 19,5 %	8	148 – 8,4 %	0	200 – 11,2 %	7
К условному осуждению	8476 – 21,0 %	447 – 13,5 %	5	187 – 10,6 %	1	389 – 21,8 %	13 – 8,4 %
К ограничению свободы	1385 – 3,4 %	232 – 7,0 %	0	100 – 5,7 %	0	1	19 – 12,3 %
К исправительным работам	2231 – 5,5 %	237 – 7,2 %	2	132 – 7,5 %	0	164 – 9,2 %	11 – 7,1 %
К обязательным работам	8323 – 20,6 %	835 – 25,2 %	11	522 – 29,7 %	1	542 – 30,3 %	67 – 43,2 %
К штрафу	7368 – 18,2 %	780 – 23,5 %	11	570 – 32,4 %	12	420 – 24,0 %	25 – 16,1 %

Подводя итог, считаем возможным сформулировать вывод о том, что законодательное закрепление уголовного проступка направлено в первую очередь на обеспечение принципа справедливости назначаемого наказания, когда речь идет о необходимости действительно дифференцированного подхода к уголовной ответственности в целом, а также о фактическом доступе потерпевших к правосудию и соблюдению их прав, связанных с возмещением вреда, причиненного преступлением.

Список источников

1. Головки Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека / Л.В. Головки // Закон. – 2018. – № 1. – С. 127–136.
2. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Г.З. Анашкин, С.В. Бородин, И.М. Гальперин и др. ; отв. ред. В.М. Кудрявцев, С.Г. Келина. – Москва : Наука, 1987. – 276 с.

3. Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства / Г.А. Кригер // Вестник Московского университета. Серия: Право. – 1979. – № 2. – С. 88–92.

4. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.

5. Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества / М.Д. Шаргородский // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1961. – С. 8–92.

6. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России / Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова // Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 28–34.

7. Цепелев В.Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект / В.Ф. Цепелев // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 27–28 мая 2004 г. – Москва, 2005. – С. 631–633.

8. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества / Б.Я. Гаврилов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 2. – С. 343–348.

9. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – Москва : Норма, 2006. – 144 с.

10. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография / Б.Я. Гаврилов. – Москва : Проспект, 2008. – 208 с.

11. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации: монография / С.В. Максимов, А.И. Бастрыкин, Н.В. Валуйсков и др. ; под общ. ред. С. В. Максимова. – Москва : Институт государства и права РАН, 2014. – 494 с.

12. Лунеев В.В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства / В.В. Лунеев // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы : монография / отв. ред. С. В. Максимов. – Москва, 2009. – С. 48–59.

References

1. Golovko L.V. Draft Law on Criminal Offense: Imaginary Intentions and Real Background. *Zakon = Law*, 2018, no. 1, pp. 127–136. (In Russian).
2. Anashkin G.Z., Borodin S.V., Galperin I.M. et al.; Kudryavtsev V.M., Kelina S.G. (eds.). *Criminal Law. An Experience of Theoretical Modeling*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 276 p.
3. Krieger G.A. Constitution of the USSR and Improvement of Criminal Legislation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo = Moscow University Bulletin. Series: Law*, 1979, no. 2, pp. 88–92. (In Russian).
4. Kuznetsova N.F. *Crime and Criminality*. Moscow University Publ., 1969. 232 p.
5. Shargorodsky M.D. Questions of the General Doctrine of Punishments in the Period of the Extensive Construction of Communist Society. *Soviet State and Law in the Period of the Extensive Construction of Communism*. Leningrad State University Publ., 1961, pp. 8–92. (In Russian).
6. Gavrilov B.Ya., Rogova E.V. The Prospects for the Consolidation of Criminal Misconduct in the Context of the Reform of the Criminal Legislation of Russia. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2016, no. 11, pp. 28–34. (In Russian).
7. Tsepelev V.F. Correlation between Crime and Other Offenses: Comparative Aspect. *Correlation between Crimes and Other Offenses: Modern Problems. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2005, pp. 631–633. (In Russian).
8. Gavrilov B.Ya. Criminal Offence in Russian Law: Suggestions of Lawyers and Reality of Russian Society. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2018, no. 2, pp. 343–348. (In Russian).
9. Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegaylo E.F. *Russian Criminal Policy: Overcoming the Crisis*. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p.
10. Gavrilov B.Ya. *Modern Criminal Policy of Russia: Figures and Facts*. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 208 p.
11. Maksimov S.V., Bastykin A.I., Valueyskov N.V. et al.; Maksimov S.V. (ed.). *Monitoring of the Criminal Law policy of the Russian Federation*. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. – 494 p.
12. Luneev V.V. The Role of Monitoring Criminal Realities in the Mechanism of Improving Criminal Legislation. In Maksimov S.V. (ed.). *Monitoring the Criminal Law Policy of the Russian Federation. General Problems*. Moscow, 2009, pp. 48–59. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

***Шемякин Дмитрий Викторович –
старший оперуполномоченный***

***Shemyakin Dmitry Viktorovich –
Lead Investigator***

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 13.08.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 13.08.2024.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**CRIMINAL PROCEEDING**

Научная статья

УДК 343.132

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.8

Ильюхов Алексей Александрович

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия,

alexsmol672019@yandex.ru

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКАЗЫВАНИЯ
В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В связи с тем, что в суде присяжных заседатели строят свои выводы, руководствуясь здравым смыслом, совестью, жизненным опытом и совокупностью собранных по уголовному делу доказательств, актуальна проблема качественного подхода к применению государственным обвинителем тактических приемов представления доказательств. Цель: выработка практических рекомендаций, направленных на качественное поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных, чтобы судьи могли не только уяснить суть обвинительных доказательств, но и прониклись доверием к позиции стороны обвинения. Методы: общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). Результаты: разработаны рекомендации, направленные на совершенствование тактики поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных, государственное обвинение, прокурор, тактические особенности

Для цитирования: Ильюхов А.А. Тактические особенности поддержания государственного обвинения как элемент доказывания в суде присяжных заседателей и механизмы их реализации / А.А. Ильюхов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 76–84.

Original article

Ilyukhov Alexey Alexandrovich

Smolensk State University, Smolensk, Russia, alexsmol672019@yandex.ru

TACTICAL FEATURES OF STATE PROSECUTION SUPPORT IN A JURY TRIAL AND MECHANISMS FOR THEIR IMPLEMENTATION

Abstract. Due to the fact that the jury is guided by common sense, conscience, life experience and the totality of the evidence collected in a criminal case, the problem of qualitative approach to the use of tactical methods of evidence by the state prosecutor is relevant. Objective: to develop practical recommendations aimed at quality support of the state prosecution in a jury trial, so that judges can not only understand the essence of the accusatory evidence, but also gain confidence in the position of the prosecution. Methods: general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and particular scientific (formal-legal, comparative-legal, etc.). Results: the recommendations aimed at improving the tactics of the state prosecution support in the court with the jurors' participation were developed.

Keywords: criminal trial, jury trial, state prosecution support in court, prosecutor, tactical features

For citation: Ilyukhov A.A. Tactical Features of State Prosecution Support in a Jury Trial and Mechanisms for Their Implementation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 76–84. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.8.

Введение. Обвинение в суде строится на основе собранных по уголовному делу доказательств, профессионализме государственного обвинителя и опыте его участия в суде присяжных заседателей, позволяя формировать тактику обвинительной речи таким образом, чтобы она была доступна для понимания и вызывала доверие [1, с. 20]. От того, насколько удачно посредством использования тактических приемов сторона обвинения представила доказательства, зависит результат их оценки присяжными заседателями.

Тактические приемы, применяемые в ходе поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей. Одним из тактических приемов представления государственным обвинителем суду с участием присяжных заседателей доказательств выступает метод ситуационного подхода, применяемый, когда подсудимый отрицает причастность к

совершению преступления либо отказывается от данных на предварительном следствии признательных показаний. В этом случае государственный обвинитель представляет суду явно уличающие подсудимого доказательства по нарастающей силе их воздействия на присяжных заседателей. Причем тактически верно будет начинать судебное следствие с допроса потерпевших, свидетелей, заключения экспертиз и иных материалов уголовного дела, которые в меньшей мере могут быть подвергнуты сомнению.

Целесообразно применять и тактический прием, именуемый ложной привязкой, когда государственный обвинитель весомые и вызывающие доверие присяжных заседателей выводы эксперта выдает за свои [2, с. 181], что усиливает его обвинительную речь в суде. Применение подобного и иных тактических приемов подтверждается судебной практикой¹.

При общении с присяжными государственному обвинителю следует использовать и тактический прием композиционной логики, то есть когда логика представления доказательств соответствует высказыванию государственного обвинителя. К примеру, в прениях государственный обвинитель произносит: «Если представленные в суде присяжным заседателям доказательства не свидетельствуют в пользу того, что подсудимый не убивал потерпевшую, то подсудимый...». При этом последнее слово государственный обвинитель не произносит, присяжные самостоятельно должны сделать вывод, чему способствует правильная обвинительная речь прокурора, а также его доводы, приведенные в прениях сторон.

Другим тактическим приемом может выступать метод сопоставления доказательств с целью опровержения доводов противоположной стороны².

¹ Из протокола судебного заседания (выступление государственного обвинителя в прениях): «Эксперты-криминалисты, исследовав одежду потерпевших и раны на их теле, подтверждают факт того, что повреждения Ш. и Ф., вероятнее всего, были нанесены левой рукой нападавшего». Далее государственный обвинитель перечислил все ранения, обнаруженные у потерпевших, а также указал, что на кроссовках подсудимого имеются следы крови потерпевшего (см.: Архив Алтайского краевого суда. Уголовное дело № 2-18/2012).

² В судебном следствии подсудимый К. заявлял о непричастности к убийству П., обвинив в совершении преступления своего родного брата – К. Государственный обвинитель опроверг позицию подсудимого, пояснив, что результаты предварительного следствия свидетельствуют о том, что подсудимый К. из-за особенностей расположения комнат в квартире не мог видеть, как его брат совершал убийство П. По результатам рассмотрения уголовного дела присяжные вынесли вердикт о виновности К. (см.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.11.2012, дело № 17-кпо03-74сп [Электронный ресурс]. URL: www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=176542 (дата обращения: 09.06.2024)).

На практике он активно применяется стороной защиты, что обусловлено лучшим владением ею приемами построения убедительной речи в суде.

Одним из ключевых тактических приемов качественного поддержания государственного обвинения в суде выступает метод ситуационного моделирования, который описан в научных публикациях, рекомендациях ученых и сотрудников органов прокуратуры [3, с. 7; 4, с. 16; 5, с. 129–130]. Он применяется с целью выбора оптимального варианта поведения прокуроров и участников процесса со стороны обвинения, а также предотвращения возможных негативных последствий, возникающих в той или иной ситуации. В рекомендациях, например, речь идет о необоснованном сокрытии государственным обвинителем негативных для обвинения фактов, поскольку в конкретной ситуации они все равно будут выявлены и озвучены стороной защиты, причем в выгодном для нее свете. Также государственному обвинителю не следует скрывать информацию о виктимном поведении потерпевшего. При своевременном освещении таких фактов они могут быть восприняты присяжными заседателями как несущественные.

Однако не только применение метода ситуационного моделирования позволяет качественно поддерживать государственное обвинение в суде присяжных, но и правильное определение тактической целесообразности привлечения к участию в поддержании государственного обвинения нескольких прокуроров, один из которых владеет навыками специалиста-психолога, облегчая общение с присяжными заседателями. Подобная практика применяется в прокуратуре Пермского края, а также в других прокуратурах Российской Федерации¹. Например, в прокуратуре Удмуртской Республики формируются специальные рабочие группы, в которых проводятся занятия с прокурорами, не имеющими должного опыта поддержания государственного обвинения в суде присяжных [6, с. 19].

Механизмы реализации тактических приемов поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей. Реализация метода ситуационного моделирования в первую очередь обеспечивается предварительными беседами государственного обвинителя со следователем, что позволит выбрать более убедительные доказательства, оценить их информативность и наглядность, определить очередность их представления в ходе судебного следствия. Так, предварительные беседы со следователем помогут государственному обвинителю лучше изучить личность свидетелей со стороны обвинения, чтобы выяснить, кто из них может изменить свои по-

¹ Так, прокуратура Пермского края к поддержанию государственного обвинения в суде присяжных привлекает прокурора, знающего юридическую психологию или имеющего диплом психолога (см.: Прокуратура Пермского края : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://prokuror.perm.ru/> (дата обращения: 09.06.2024)).

казания. Кроме того, получение государственным обвинителем от следователя информации о личности свидетелей со стороны защиты об их прошлой жизни, характере отношений с подсудимым и другими участниками процесса позволяет выбрать тактику своего поведения в суде [7; 8, с. 104]. Использование указанного тактического приема позволяет государственному обвинителю решить, применять ли тактику свободной речи свидетеля в суде, а затем задать ему уточняющие вопросы, либо применить тактику «вопрос – ответ».

Предварительные беседы рекомендуется проводить с экспертом и специалистом, чтобы выявить степень доступности для присяжных заседателей информации, изложенной в экспертном заключении или выводах специалиста.

Такие беседы могут проводиться и с другими участниками процесса, например со свидетелем, но только для того, чтобы определить возможность дальнейшего участия в судебном разбирательстве, поскольку его внешний вид, манера поведения и другие факторы могут отрицательно сказаться на позиции стороны обвинения.

Проведение таких бесед находит поддержку у практикующих юристов, полагающих, что это позволит выработать оптимальную линию поведения в суде, способную поколебать позицию стороны защиты и повлиять на мнение присяжных. Но такие беседы не должны преследовать цель оказать давление на участников процесса для получения нужных показаний.

Учитывая результаты проведенного научного анализа, а также мнения ученых-процессуалистов [9, с. 342], представляется логичным установить единые для государственных обвинителей правила предварительного общения с участниками процесса, где главным условием будет выступать согласие последних на такое общение, а если свидетелями или потерпевшими выступают несовершеннолетние, то для предварительного общения с ними условием должно выступать участие психологов, педагогов.

Следует отметить, что эффективность тактических приемов зависит от силы убеждения государственного обвинителя, что, как справедливо полагает М. Коэн, воплощено в искусстве речевого доказывания [10, с. 23], эффективность которого обеспечивается в том числе использованием технических средств, выступающих элементами тактической новизны, а также наглядностью, позволяющей в доступной форме довести до присяжных заседателей доказательственные факты. Это касается вещественных доказательств, заключений экспертов и специалистов.

К таким техническим средствам можно отнести видеозаписи допросов, проверок показаний на месте, схемы мест происшествия и др., использование которых следует сопровождать демонстрацией предметов и вещей, к примеру, со следами крови потерпевшего. Для большей достоверности ис-

следуемых доказательств допускается применение манекена, схем, графиков, макетов и измерительных приборов – рулеток, линеек, секундомеров¹. Это обусловлено тем, что большинство присяжных лучше усваивают информацию, представленную в виде зрительных образов, и это следует учитывать государственному обвинителю.

Вместе с тем, представляя вещи со следами крови или фото обезображенной жертвы преступления, следует учитывать, что это может вызвать неприязнь у присяжных заседателей к подсудимому, повлиять на объективность оценки ими доказательств и вынесение вердикта.

Применяются и высокотехнологичные наглядные средства, такие как интерактивная доска и планинг (специальная доска для рисования), при помощи которых можно наглядно изобразить схему места преступления или попросить свидетеля на изображенной схеме указать, например, место нахождения подсудимого в момент совершения им преступления и др. Применение планинга позволяет с максимальной степенью наглядности и доступности продемонстрировать детали, позволяющие правильно воспринять обстоятельства совершенного преступления, убедить присяжных заседателей в достоверности или, наоборот, в ложности сведений, представленных им для исследования, сформировать у них нужную для государственного обвинителя позицию.

Вместе с тем без логичного и доступного для понимания изложения в обвинительной речи доказательств сложно реализовать перечисленные тактические приемы. Государственному обвинителю в ходе своего выступления следует стремиться использовать общеупотребительные выражения и термины, излагать информацию в доступной для присяжных заседателей форме.

Заключение. Перечисленные тактические приемы представления и исследования в суде доказательств позволят повысить степень доверия к ним со стороны присяжных заседателей, что в целом призвано оказать положительное влияние на восприятие и оценку присяжными заседателями информации государственного обвинителя. Эти тактические приемы строятся на принципах законности, научности, динамичности, конкретности и наглядности, где законность предполагает соблюдение всех юридических предписаний, научность – применение научно разработанных, апробированных практикой методик поддержания обвинения в суде, а динамичность и конкретность – плановую организацию указанной деятельности.

¹ Так, по уголовному делу по обвинению К. по ч. 2 ст. 131 УК РФ по одному из вменяемых эпизодов изнасилования для большей наглядности картины произошедшего события присяжным был представлен плакат с изображением участка местности, где было совершено преступление, что позволило лучше уяснить обстоятельства исследуемого события и вынести справедливый и обоснованный вердикт.

Кроме того, следует учитывать, что далеко не каждый государственный обвинитель способен успешно поддерживать обвинение в суде присяжных. А если он недостаточно владеет тактикой отбора, логической способностью упорядочивать факты и выводы, руководствуясь единой функциональной задачей, недостаточно владеет умением в доходчивой форме донести до присяжных доказательственные факты, чтобы они ими были восприняты правильно, слабо владеет искусством ораторского мастерства, не имеет достаточных знаний в области психологии, не владеет навыками прогнозирования критической ситуации в суде, то это может негативно сказаться на результатах судебного разбирательства, что следует учитывать при определении кандидатуры государственного обвинителя конкретно по каждому уголовному делу.

Список источников

1. Исаенко В.Н. Тактико-психологические аспекты представления прокурором доказательств в суде присяжных заседателей / В.Н. Исаенко // Криминалистика. – 2018. – № 2. – С. 18–22.

2. Хорошева А.Е. Тактико-криминалистическое обеспечение исследования в суде с участием присяжных заседателей вещественных доказательств со следами крови / А.Е. Хорошева // Известия АлтГУ. – 2018. – № 3 (101). – С. 179–186.

3. Куликова Г.Л. Участие государственных обвинителей в разбирательстве уголовных дел в составе группы / Г.Л. Куликова // Законность. – 2014. – № 2. – С. 14–19.

4. Драпкин Л.Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования / Л.Я. Драпкин. – Свердловск, 1985. – 69 с.

5. Волчецкая Т.С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.С. Волчецкая. – Москва, 1991. – 23 с.

6. Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Л. Кисленко. – Саратов, 2003. – 217 с.

7. Абдуллаев Я.Д. Оперативно-розыскное обеспечение судебного разбирательства уголовных дел / Я.Д. Абдуллаев // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 1. – С. 73–81.

8. Кореневский Ю.В. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству / Ю.В. Кореневский, Г.П. Падва. – Москва : Юристъ, 2004. – 159 с.

9. Фролова А.Н. Взаимодействие государственного обвинителя с потерпевшим и свидетелем в рамках подготовки к судебному разбирательству / А. Н. Фролова // Молодой ученый. – 2022. – № 48 (443). – С. 342–344.

10. Коэн М. Введение в логику и научный метод / М. Коэн, Э. Нагель. – Челябинск, 2010. – 655 с.

References

1. Isaenko V.N. Tactical and Psychological Aspects of the Prosecutor's Evidence Presentation in Jury Trials. *Kriminalist" = The Criminalist*, 2018, no. 2, pp. 18–22. (In Russian).

2. Khorosheva A.E. Tactical-Forensic Support of Research in the Court with the Participation of Jurors of Physical Evidence with Traces of Blood. *Izvestiya AltGU = Izvestiya of Altai State University*, 2018, no. 3 (101), pp. 179–186. (In Russian).

3. Kulikova G.L. Participation of Public Prosecutors in Criminal Trials within a Group. *Zakonnost*, 2014, no. 2, pp. 14–19. (In Russian).

4. Drapkin L.Ya. Resolution of Problem Situations during the Investigation. Sverdlovsk, 1985. 69 p.

5. Volchetskaya T.S. Situation Modelling in Crime Investigation. *Cand. Diss. Theses*. Moscow, 1991. 23 p.

6. Kislenco S.L. Judicial Investigation Tactics and Its Place in the System of Forensic Science. *Cand. Diss. Saratov*, 2003. 217 p.

7. Abdullaev Ya.D. Operational-Search Support for the Criminal Trial / Ya.D. Abdullaev. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2008, no. 1, pp. 73–81. (In Russian).

8. Korenevsky Yu.V., Padva G.P. Participation of the Defense Attorney in the Evidence under the New Criminal Procedure Legislation. Moscow, Yurist" Publ., 2004. 159 p.

9. Frolova A.N. Interaction of the State Prosecutor with the Victim and Witness in Preparation for the Trial. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2022, no. 48 (443), pp. 342–344. (In Russian).

10. Cohen M., Nagel E. Introduction to Logic and Scientific Method. Chelyabinsk, 2010. 655 p.

Информация об авторе**Information about the Author**

Ильюхов Алексей Александрович –
кандидат юридических наук, до-
цент, доцент кафедры уголовно-
правовых дисциплин

Ilyukhov Alexey Alexandrovich –
*Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor, Assistant Professor of the
Chair of Criminal Law Disciplines*

Статья поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 23.08.2024.

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 23.08.2024.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**INTERNATIONAL LAW**

Научная статья

УДК 340.5

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.9

Зырянов Алексей Викторович

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия,
zav-nauka@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В США И КИТАЕ**

Аннотация. Коррупция представляет собой противозаконную эксплуатацию публичной власти в интересах частных лиц или организаций. Это глубоко укоренившееся противоправное явление представлено разнообразным опытом в мировой практике политических и экономических отношений, но его суть одна: власть, носителем и единственным источником которой выступает народ, эксплуатируется во вред государству и обществу. Представляет интерес исследование факторов, способствующих возникновению коррупции, и путей преодоления коррупционной деятельности на примере США и Китая. У этих государств разные политические и экономические модели развития, но их сближает многолетняя борьба с рассматриваемым общественным явлением – коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, история, условия, борьба, закон, США, Китай

Для цитирования: Зырянов А.В. Исторический аспект антикоррупционного регулирования в США и Китае / А.В. Зырянов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 85–93.

Original article

Zyryanov Alexey Viktorovich

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, zav-nauka@mail.ru

HISTORICAL ASPECT OF ANTI-CORRUPTION REGULATION IN THE USA AND CHINA

Abstract. Corruption is the unlawful exploitation of public authority for the benefit of individuals or organisations. This deeply rooted illegal phenomenon is represented by a variety of experiences in the world's practice of political and economic relations, but its essence is one – power – the only source of which is the people, exploited to the detriment of the state and society. It is interesting to study the factors that lead to the corruption and the ways of overcoming it on the example of the USA and China, these countries have different political and economic development models, but they are united by their long struggle against the social phenomenon – corruption.

Keywords: corruption, history, conditions, struggle, law, United States, China

For citation: Zyryanov A.V. Historical Aspect of Anti-Corruption Regulation in the USA and China. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 85–93. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.9.

Введение. Коррупцию, в той или иной степени присущую всем государствам, можно назвать побочным продуктом цивилизации. Ведь чем сложнее и устойчивей система политических и экономических отношений, тем ценнее (важнее) функциональная точка социального пространства, замещаемая конкретным человеком в иерархической структуре организации общества. Соответствующее положение – «узел в сети» полезных связей – осознается как самим человеком, так и другими людьми и способствует формированию коррупционной системы отношений, которая постепенно разрушает политико-экономические институты и является одним из способов реализации свойственного человеку стремления к личному обогащению. Сказанное демонстрирует особую сложность объективизации исследований в сфере антикоррупционного регулирования. В связи с чем представляется полезным изучение соответствующего исторического опыта зарубежных стран, в частности двух ведущих мировых держав – США и Китая.

Борьба с коррупцией в США. США – это страна, которая в прошлом веке развернула против взяточничества самую масштабную войну. Однако в Америке до сих пор процветает лоббизм. Политические деятели используют

любые методы, чтобы принимать выгодные им законодательные акты, учитывают интересы не своих избирателей, а отдельных субъектов из государственного аппарата или небольшой прослойки общества – истеблишмента. К тому же США вкладывают достаточно глубокий смысл в само понятие «коррупция». Ужесточение позиций и строгость норм почему-то отходят на второй план¹.

Взятничество, согласно норме, закрепленной в Конституции Америки 1787 г., – тяжкое преступление. Норму стали использовать политики как рабочий инструмент проведения внутривластной борьбы в стране. За получение взятки президенту грозит импичмент, в ходе которого должностному лицу могут выдвинуть обвинение и подвергнуть его процедуре судебного расследования.

Проблема коррупции в США обострилась к началу XX в. Это явление процветало в высших и низовых слоях населения. Появились мафиозные кланы, которые из Италии перебрались в Нью-Йорк и развернули свою преступную деятельность.

В начале 1970-х годов в стране был принят ряд законодательных актов, которые положили начало системной борьбе со взяточничеством. Хотя в США и ранее принимались законы по борьбе с коррупцией, большинство из них так и не оказали особого влияния на искоренение проблемы. Борьба велась путем проведения разного рода спецопераций.

После того как деятельность американской компании Lockheed вызвала скандал сразу в четырех странах – Италии, Нидерландах, Японии, ФРГ, в США были приняты первые законодательные акты. Они стали основой современной модели борьбы со взяточничеством. Акт о зарубежной коррупционной практике был принят в 1977 г.² Если правильно его интерпретировать, то подкуп зарубежных должностных лиц компаниями или гражданами Америки становится незаконным. Если иностранная компания пожелает вести бизнес с компанией или отдельными лицами из США, то предварительно будет скрупулезно проверяться потенциальными партнерами.

Многие страны с интересом наблюдали за тем, как законодатели Америки разбирались с организованной преступностью, а именно с итальянскими мафиози. США казалась образцовой страной в борьбе с коррупцией: была разработана модель, основанная на особых идеях и принципах. Они, кстати, применяются до сих пор, хотя напрямую эти принципы в законодательных ак-

¹ Первое антикоррупционное СМИ [Электронный ресурс]. URL: [https:// rasmi.ru/archive/84280/](https://rasmi.ru/archive/84280/) (дата обращения: 27.08.2023).

² Акт о зарубежной коррупционной практике от 19.12.1977 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-91/pdf/STATUTE-91-Pg1494.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).

тах и нормах не прописаны. Так, Закон о контроле над организованной преступностью в США, принятый в 1970 г, а именно разд. IX, буквально «выдергивает» из-под мафиозных элементов экономическую базу. В разд. IX «Организации, связанные с рэкетом и коррупцией» (The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, RICO) речь идет о том, что вся полиция в городах коррумпирована¹, имеет подкупленных прокуроров, адвокатов, судей, является частью организованной преступной группировки. Что уж говорить о локальных взяточниках и коррупционерах, занимающихся преступной деятельностью с целью обогащения отдельных семей [1, с. 605].

Определялось, что в действительности мелкие взяточники, казнокрады, коррупционеры – легкозаменяемы. Сегодня действуют одни группировки, завтра им на смену приходят другие. Именно поэтому закон RICO признает коррупцию у властей «клановой». Ключевым моментом становится направление мер против целых преступных организаций, а не отдельных быстро заменяемых коррупционеров. Если речь идет об организованной преступности, то согласно приведенным нормам из закона имущество должно быть конфисковано как у обвиняемых, так и у членов их семей. Если, конечно, они не начнут сотрудничать со следствием. Так коррупционер попадает в ловушку. Он лишается другого выбора, кроме как начать сотрудничать со следствием, либо же обрекает семью на бедственное существование.

Законодательные акты против коррупции составляют свод законов США, именуемый US Code, хотя не во всех штатах действуют все законы, входящие в него. Так, согласно нормам уголовного права коммерческий подкуп должностных лиц из частных фирм официально запрещен лишь в 37 штатах. Только в 29 из 50 штатов действует закон RICO. Во всех остальных штатах против коррупционеров может лишь возбуждаться уголовное дело за мошенничество. Выходит, что одни и те же противоправные действия подпадают под разные формулировки и законы.

К числу базовых антикоррупционных актов США можно отнести: Исполнительный приказ президента США № 12731 «Принципы этики поведения должностных лиц и служащих государственного аппарата», Кодекс этики правительственной службы 1958 г., Закон «Об этике служащих государственных органов» 1978 г. в редакции 1998 г. Госслужащие и чиновники обязаны обращать внимание на эти акты. Однако суть проблемы в том, что американской правоприменительной практике свойственна широкая трактовка понятий «строгость наказания за преступление», «подкуп», «коррупция», «ущерб».

¹ Закон RICO 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hg.org/rico-law.html> (дата обращения: 29.08.2023).

Законы описывают открытое и пассивное взяточничество. Во втором случае подкуп должностного лица или выплата взятки в его пользу не имеют состава преступления. Это означает, что должностное лицо может безнаказанно указать на любое третье лицо – взяткополучателя – отдельного человека или целую организацию. Вместе с тем американский закон предусматривает и отдельное наказание за выплату «вознаграждения» по итогам сделки, то есть кикбэкинг. Меры наказания прописаны в Своде законов США (титул 18, ст. 201). За пассивное или активное взяточничество предусматривается выплата взятой суммы в тройном размере, лишение свободы до 15 или 20 лет приотягчающих обстоятельствах.

Стоит отметить, что согласно американским законам госслужащие практически лишены возможности иметь дополнительный доход (кроме основной зарплаты). Дополнительный заработок может составлять не более 15 % от оклада с учетом должности. Например, сотрудники аппарата и сенаторы не вправе брать подарки от юридических, частных физических лиц, особенно если эти лица начинают подавать коррупционные признаки, дарить подарки чиновникам на сумму свыше 100 долл. в течение календарного года. Также госслужащие могут быть уличены в коррупции, если будут брать взятки и совершать сделки при устройстве на федеральную государственную службу отдельных лиц.

Еще одна особенность американского права – ограниченный должностной иммунитет. Конгресс на основании Конституции США (ст. 2, разд. 4) вправе отстранять от должности как президента страны в порядке импичмента, так и членов Конгресса, в том числе любое гражданское должностное лицо Америки.

Другая особенность американского права – невыгодное проведение коррумпируемых действий для низших чинов (полицейские, судьи, рядовые госслужащие). Дело в том, что образование и медицина в Америке дорогие «социальные услуги». Служащие же имеют достаточное довольствие, наслаждаются пенсионным обеспечением, набором социальных услуг для себя лично и всех членов семьи. Если полицейский будет уличен в получении даже самой мелкой взятки, он лишится всего: должности, денежных привилегий. В данном случае речь идет о действии закона RICO. Обвиненный в коррупции госслужащий получает «волчий билет» как своего рода клеймо на всю жизнь. Вот почему судьи и полицейские в Америке не берут взятки.

Нельзя утверждать, что коррупция в Америке устранена полностью, поскольку чиновники более высокого ранга продолжают принимать дорогие подарки. Например, представители «Фонда Клинтона» не скрывают, что в 2016 г. получили в подарок от Катара 1 млн долл.

Громкий коррупционный скандал разгорелся в 2017 г., когда в американские выборы якобы вмешалась Россия. Замешанной оказалась семья бывшего президента Америки. Зачином скандала стало «Досье Кристофера Стила». Оказалось, что спонсировалось это досье за счет средств Демократического национального комитета (DNC) и из фонда кампании Хиллари Клинтон в 2018 г.

Согласно рейтингу стран по восприятию коррупции, составленному Transparency International, Америка занимает шестнадцатую строчку¹. Transparency провел в ноябре 2017 г. общественный опрос, согласно которому Кабинет президента – самый коррумпированный. Вторую строчку занял Конгресс, третью – представители бизнеса и служащие высшего звена. Выходит, что рядовые американцы мало доверяют органам государственной власти.

Кроме того, в американском законодательстве процветает легализованный лоббизм. Причем мнения законодателей по этому поводу разные. Одни считают, что открытый лоббизм – неплохая профилактика коррупции. Другие уверены: лоббизм – проявление взяточничества. Ярким отражением лоббизма в Америке стало проведенное на базе Принстонского университета исследование. Оно показало, что Конгресс на практике учитывает в основном интересы действующих лоббистов или небольшой их прослойки, совсем не прислушивается к мнению американского народа. Именно лоббизм помог Америке искоренить коррупцию в отдельных сферах. Но подобные методы мошенничества (шантаж, подкуп, обман) применяются абсолютно для разных целей в бизнесе и политических кругах. По сути, это неизбежно, ведь США, позиционирующие себя в роли глобального гегемона, имеют обширные политические, финансовые возможности, которые реализуются сообразно капиталистической логике отношений, где «все продается и покупается».

Особенности антикоррупционного регулирования в Китае. В этой стране борьба с коррупцией берет начало еще с древних времен, является неотъемлемой частью политической культуры, истории страны. Издавна чиновники и управленцы в КНР имели определенные привилегии, доминирующие формы социальных отношений. Схема государственного управления в стране такова, что служащим свойственна клановость, землячество, семейственность. А это уже создание благоприятных условий для того, чтобы процветали разные формы коррупции. Ведь можно реализовывать частные, государственные задачи с помощью личных связей. Это проще, нежели проводить продолжительные бюрократические процедуры. В целом при-

¹ Автономная некоммерческая организация «Центр антикоррупционных исследований и инициатив "Трансперенси Интернешнл – Р"» [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/about/> (дата обращения 30.08.2023).

равнять к отдельной форме коррупции можно даже символику и церемониал китайцев. Им свойственна бюрократия.

Первым эксперименты по внедрению антикоррупционных действий стал проводить Мао Цзэдун, но безуспешно. Только в 1980-х годах Дэн Сяопин попытался восстановить разрушенную экономику страны любым путем. Настал период проведения «Политики реформ и открытости», а вместе с этим и свободы действий для предприятий, регионов страны. Ничто не мешало руководителям, чиновникам обогащаться. Политические элиты, бизнесмены начали поддерживать друг друга, создавая некую симфонию партийной номенклатуры и бизнеса, как правило, в сопровождении с взаимосвязанными отношениями вне закона. На практике их действия выглядели как прикрытие по реализации необходимых для государства преобразований.

Несмотря на действующие уголовные и административные наказания, чиновники злоупотребляли полномочиями повсеместно. Масштабы взяточничества разрастались, а правительство предпочитало закрывать на это глаза.

Ху Цзиньтао и Цзян Цзэмин – продолжили борьбу с коррупцией в период своего правления. Курс под названием «Одновременное лечение причин и симптомов коррупции» проводился в стране во времена правления Цзян Цзэмина. При Ху Цзиньтао был сделан акцент на профилактику преступлений посредством карательных мер. Экономика развивалась. Это способствовало нарастающему неравенству в обществе. Стало снижаться доверие к Коммунистической партии Китая. Негативные факторы, сопутствующие коррупции, стали раздражать широкие социальные слои.

Когда к власти пришел Си Цзиньпин, ему пришлось очень постараться, чтобы организовать общественную антикоррупционную кампанию, провести ряд экономических преобразований, чтобы вернуть доверие народа к партии. Нынешнему главе КНР удалось разработать целый комплекс мер по освобождению партии от злостных элементов, сохранению текущего экономического и политического курса.

Конечно, некоторые обстоятельства и проблемы мешают партийному руководству Китая полностью искоренить коррупцию. Это возникающие репутационные издержки для партии, противостояния различных политических группировок Коммунистической партии Китая.

Так, современные руководители КНР желают национализировать партийную элиту, чтобы она больше не вывозила за рубеж капиталы, добытые незаконным путем. Национализация элит – приоритетная линия правительства, предотвращающая утечку важных государственных тайн. В целом масштаб и способы антикоррупционной деятельности в Китае выглядят как отрегулированный механизм, образцовый пример наведения порядка среди госслужащих для других стран.

Однако в действительности по ряду причин сложно оценивать эффективность антикоррупционной кампании в Китае. Китайское законодательство – настолько гибкий инструмент, что уголовная ответственность для преступника порой выглядит как набор рекомендаций. В законодательной базе то и дело просматриваются пробелы. Например, чиновники КНР по сей день не публикуют сведения о доходах. Можно ли оценивать эффективность принимаемых мер, если статистика в стране выглядит как политизированный материал? Руководство Китая громко заявляет, что ведет непрерывную борьбу с коррупционерами, выдвигает лозунги и манифесты, издает декларации. Но в тоже время учитывает, что тотальное ущемление госслужащих может повлечь негативные для партии последствия.

Сегодня руководители Китая большое значение придают профилактике неправомερных действий госслужащих, пытаются создать нравственные, этические кодексы и нормы для них. Это значит, что под надзор подпадает личная жизнь, моральное поведение чиновников. Создание такой антикоррупционной культуры уже работает. Хотя желание устранить коррупцию в стране и повысить темпы экономического роста могут не очень благополучно отразиться на экономических проектах КНР с участием зарубежных партнеров. Дело в том, что чиновники Китая опасаются попадать в поле зрения соответствующих органов. Так, новый виток антикоррупционной кампании вполне может акцентировать внимание на инициативных связях между китайскими чиновниками и иностранными партнерами, оказать негативное влияние на развитие инвестиционной деятельности и рост экономики страны.

Заключение. Подводя итог и оценивая существующие угрозы в области государственной безопасности, необходимо отметить, что одной из них является коррупция. Данное социально-правовое явление отрицательно сказывается на существующей системе государственно-властных отношений. Коррупция резко снижает эффективность госуправления, разрушает концептуальные основы функционирования госслужбы, уменьшает доверие населения к органам власти. Следует отметить, что в рамках общественных отношений она существенно влияет на разрушение социальных связей, падение нравственных устоев, ведет к нетерпимости и ожесточению людей, разрушает внутренний мир личности [2, с. 53]. Вместе с тем можно убедиться, что коррупции присущи схожие для мировой практики детерминанты: клановая замкнутость правящих элит и стремление к экономической экспансии, а также способы ее преодоления: соответствующая политическая воля и гражданское правосознание.

Список источников

1. Давыдова А.Е. Международный опыт противодействия коррупции / А.Е. Давыдова // Аллея науки. – 2018. – № 5 (21). – С. 601–605.
2. Поляков М.М. Противодействие коррупции органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации / М.М. Поляков // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 5-2. – С. 53–62.

References

1. Davydova A.E. International Experience in Corruption Fight. *Alleya nauki = Alley Science*, 2018, no. 5 (21), pp. 601–605. (In Russian).
2. Polyakov M.M. Counteraction to Corruption by the Executive Authorities of the Russian Federation's Subjects. *Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2014, no. 5-2, pp. 53–62. (In Russian).

Информация об авторе

Зырянов Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, трудового права

Information about the Author

Zyrianov Aleksey Viktorovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Labor Law

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 07.08.2024.

The article was submitted 05.07.2024; approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 07.08.2024.

Научная статья

УДК 341.48

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.10

Скирда Максим Владимирович

Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан; Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия, skimax@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4489-952>

К ВОПРОСУ О XV КОНГРЕССЕ ООН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В существенно изменившихся условиях миропорядка проблема борьбы с преступностью перешла в разряд глобальных транснациональных задач, решение которых требует активных усилий со стороны мирового сообщества. Значимую роль в координации деятельности государств по противодействию новым угрозам и вызовам играют конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Цель настоящей публикации: на основе исследования истории развития деятельности ООН по противодействию преступности выявить актуальные проблемы, присущие организации деятельности конгрессов ООН, определить элементы предлагаемого реформирования. Методы: диалектический метод познания является основой исследования. Применялись также методы синтеза, дедукции и индукции, формально-юридический, историко-правовой. Результаты: выявлено, что значительная часть функционала конгрессов ООН, а также порядок их взаимоотношений с комиссией ООН с идентичным наименованием и иными специализированными органами ООН остаются неурегулированными. Наблюдаются процессы снижения роли конгрессов ООН в организации международного сотрудничества и, как следствие, снижение эффективности принимаемых государствами мер в рассматриваемой области. Взаимосвязь касающихся преступности задач и мировой повестки в области международной безопасности, верховенства закона, экономического развития определяют необходимость выработки новых методов оценки состояния преступности и реформирования институциональной составляющей конгрессов. Предлагается формировать План действий по реализации актов конгрессов ООН на основе установления приоритетов заинтересованных государств. Формулируется вывод о том, что достижение государствами целей Повестки дня в области ус-

тойчивого развития на период до 2030 г. возможно при условии приверженности принципу верховенства права, на защиту которого направлены универсальные стандарты конгрессов ООН.

Ключевые слова: ООН, конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, международное сотрудничество по борьбе с преступностью, комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию

Для цитирования: Скирда М.В. К вопросу о XV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: новые вызовы и перспективы / М.В. Скирда. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 94–107.

Original article

Skirda Maksim Vladimirovich

Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan; Kazan Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russia, skimax@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4489-9521>

ON THE XV UNITED NATIONS CONGRESS ON CRIME PREVENTION AND CRIMINAL JUSTICE: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS

Abstract. In a radically changed world order, the fight against crime has become a global transnational challenge that requires an active effort by the international community. The UN congresses on crime prevention and criminal justice play a significant role in coordinating the activities of states to counter new threats and challenges. The purpose of the research is to identify, on the basis of a study of the UN activities' history in combating crime, current problems inherent in the organization of the UN congresses' work and to define the elements of proposed reform. Methods: the dialectical method of cognition is the basis of the research. Methods of synthesis, deduction, and induction, formal legal, historical and legal are also used. Results: it was found that a significant part of the UN congresses' functionality, as well as the procedure of their relations with the UN commission with the identical name and other UN specialized bodies remain unregulated. We can observe a decline of the UN congresses' role in organising international cooperation and, as a consequence, a decrease in the effectiveness of measures taken by states in this area. The interrelation of crime-related tasks and

the global agenda in the field of international security, the rule of law, and economic development determines the need for new methods for assessing the state of crime and reforming the institutional component of congresses.

The author proposes to form an action plan for the implementation of UN congresses on the basis of setting priorities of the interested states. The conclusion is that it is possible for the states to achieve the goals of the 2030 Sustainable Development Agenda if they adhere to the rule of law, which is the objective of the universal standards of the UN congresses.

Keywords. UN, UN congress on crime prevention and criminal justice, international cooperation in combating crime, UN commission on crime prevention and criminal justice

For citation: Skirda M.V. On the XV United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice: New Challenges and Prospects. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 94–107. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.10.

Введение. Сегодня, в период глобальных вызовов, в научном юридическом сообществе ведется полемика об эффективности норм международного уголовного права [1] в целом и деятельности ООН в сфере предупреждения преступности в частности [2]. Очевидно, что одним из способов достижения эффективности международной борьбы с преступностью является сотрудничество государств, реализуемое в рамках международных межправительственных организаций универсального характера. Координирующая роль ООН по поддержанию международного мира и безопасности, разрешению международных проблем социального и гуманитарного характера определена при создании ООН в 1945 г. и основывается на положениях ее Устава. В Киотской декларации 2001 г. государства определили общую цель: принимать конкретные меры по активизации деятельности, направленной на предупреждение преступности, укрепление систем уголовного правосудия, обеспечение верховенства права и международного сотрудничества.

В 2026 г. в Объединенных Арабских Эмиратах планируется проведение XV Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (далее – конгресс ООН), главная его тема – «Активизация деятельности по предупреждению преступности, уголовному правосудию и утверждению верховенства права: защита людей и планеты и осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в цифровую эпоху».

Конгрессы ООН в условиях современного миропорядка. Вот уже на протяжении 69 лет конгрессы ООН служат площадкой для заинтересованных сторон, на которой можно обсудить подходы к решению глобальных про-

блем, обменяться накопленным опытом в этой области и выработать общие способы борьбы с ними. Первый конгресс был созван в 1955 г. и сразу же занял ведущую позицию в формировании повестки дня в области предупреждения преступности и своевременного решения наиболее острых проблем, стоящих перед международным сообществом.

Сегодня конгрессы ООН играют основополагающую роль в деле активизации мер по выполнению поставленных задач в сфере предупреждения преступности на международном уровне [3]. Так, на V Конгрессе ООН (Женева, 1975) была принята Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, а на VIII Конгрессе ООН (Гавана, 1990) был одобрен ряд типовых международных договоров в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.

В последние годы конгрессы ООН способствовали не только формированию политической программы комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (далее – комиссия ООН), но и включению в программу ее работы ряда ключевых вопросов [4]. Материалы состоявшихся конгрессов заложили основу для дальнейшего обсуждения тематики киберпреступности, что нашло отражение в принятой в 2010 г. «Салвадорской декларации о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире». Конгрессы последних лет были главным образом посвящены вопросам предупреждения преступности и повышения эффективности системы уголовного правосудия, что следует из анализа Дохинской и Киотской деклараций¹. Не вызывает сомнения тезис о том, что подобные совещания позволяют оценить прогресс в достижении целей в области устойчивого развития, касающихся мира, справедливости, и определить роль государств в создании условий для этого. Представляется, что участники будущих конгрессов ООН могли бы проявить инициативу в расширении перечня прав человека и основных свобод и, как следствие, внести непосредственный вклад в осуществление установленной резолюцией A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) Повестки дня на период до 2030 г. XIV Конгресс ООН (Киото, 2021) стал первым форумом, состоявшимся после принятия этого документа. Анализ Киотской декларации позволяет сделать вывод о том, что практические рекомендации, основанные на многосторонних подхо-

¹ Доклад Межправительственной группы экспертов по урокам, извлеченным из конгрессов Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию, Бангкок, 15–18 августа 2006 г., E/CN.15/2006/7 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n07/457/34/pdf/n0745734.pdf?token=vP8RNxBBkKu1pdfpQT&fe=true> (дата обращения: 25.04.2024).

дах и активном международном сотрудничестве, являются базисом программы действий международного сообщества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия на период 2020–2025 гг. Предлагаемые государствам рекомендации и стандарты конгрессов ООН¹, хотя и не обладают общеобязательной силой, способствуют оптимизации национального законодательства в соответствии с современными вызовами.

Согласно резолюции 78/223 ГА ООН в повестку дня XV Конгресса вошли 4 основных пункта:

- поддержка инновационных и эмпирически обоснованных стратегий предупреждения преступности в интересах социального, экономического и экологического развития;
- содействие формированию социально ориентированных, инклюзивных и адаптивных систем уголовного правосудия в постоянно меняющемся мире;
- борьба и противодействие преступности, включая организованную преступность и терроризм во всех его формах;
- улучшение взаимодействия в целях укрепления сотрудничества и партнерских отношений, в том числе в форме технической и материальной помощи и обучения, на национальном, региональном и международном уровнях в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.

На семинарах-практикумах в рамках XV Конгресса ООН будут рассмотрены следующие вопросы:

- построение жизнестойких обществ с привлечением особого внимания к защите женщин, детей и молодежи: содействие социальной активности, просвещению и формированию культуры законопослушания;
- обеспечение равного доступа к правосудию для всех: на пути к построению безопасных и защищенных обществ при соблюдении принципа верховенства права;
- работа на опережение: совершенствование сбора и анализа данных для улучшения защиты людей и планеты в эпоху новых, появляющихся и видоизменяющихся форм преступности;
- использование возможностей цифровой эпохи: поощрение ответственного применения технологий в деятельности по предупреждению преступности и в уголовном правосудии.

Очевидно, что глобализация преступности предопределяет различные формы международного сотрудничества [5]. В связи с этим ООН и в дальнейшем необходимо принимать исчерпывающие меры по укреплению верховенства права и имплементации относящихся к «мягкому» праву стандар-

¹ Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк : ООН, 2016. 550 с.

тов и рекомендаций ООН в международные договоры универсального характера и национальное законодательство.

Перспективы реформирования конгрессов ООН. Принятая в 1991 г. резолюция A/RES/46/152 ГА ООН определяет конгрессы ООН частью Программы по борьбе с преступностью и содержит указания относительно того, как их следует проводить. Вместе с тем имеет место, на наш взгляд, излишнее дублирование функций конгрессов и комиссии ООН.

Конгрессы имеют длительную историю, и естественно, что с течением времени характер и функции их значительно видоизменились. Ранее конгрессы ООН включали в себя предметные и политические обсуждения, резолюции, которые сейчас стали функциями комиссии ООН. Конгрессы продолжают созываться ГА ООН и отчитываются перед ней. Как и ранее, составляются полные стенограммы форумов. Вместе с тем стенограмма содержится в структуре основного доклада форума, и только политическая декларация конгресса ООН фактически направляется в ГА ООН. Практика такова, что доклад Конгресса ООН прилагается к резолюции, представленной в комиссию ООН принимающим государством, и далее передается в ГА ООН через ЭКОСОС. Так, в своей резолюции A/RES/56/119 от 23 января 2002 г. ГА ООН призывают к единой декларации от каждого конгресса ООН, за которой последуют отдельные резолюции комиссии ООН. В таком виде резолюция конгресса распространяется только на призывы к действию, что оставляет открытой возможность формирования унифицированных планов действий.

Периодически принимаются меры по уточнению роли конгрессов ООН и определению более эффективного процесса разработки повестки дня, подготовки вспомогательных документов, семинаров экспертных групп и аналогичных подготовительных мероприятий. К примеру, в соответствии с декларацией X Конгресса ООН (Вена, 2000) комиссия ООН призвала разработать всеобъемлющий План действий. Вопрос был недостаточно подготовлен и повторно рассмотрен после проведения XI Конгресса ООН (Бангкок, 2005) в формате межправительственного совещания экспертов открытого состава по рассмотрению вопроса о подготовке, проведении конгрессов и последующей деятельности в целом [6]. Экспертами предложено предусмотреть последовательный пятилетний цикл подготовки конгрессов и рекомендовано отойти от практики разработки всеобъемлющих стратегий. Вопросы последующей деятельности, по мнению экспертов, целесообразно оставить на усмотрение самих государств-членов, которые должны определять приоритеты и призывать государства к конкретным действиям в соответствии с обычной практикой представления и обсуждения резолюций в комиссии ООН [7, с. 68].

На наш взгляд, существует несколько причин, по которым организация конгрессов, а также последующая деятельность по итогам их проведения в последние годы были отчасти непланомерными. С практической точки зрения тот факт, что конгрессы проходят с такими большими интервалами, означает, что большинство ротационных дипломатов участвуют только в одном форуме.

Аналогичные проблемы возникают в связи с тем, что каждый новый конгресс ООН организуют разные государства-члены. Дипломаты принимающей страны обычно берут на себя значительную часть работы как в решении вопросов материально-технического обеспечения, так и определенных политических задач, например, подготовки проекта декларации конгресса.

Одной из причин стагнации в реформировании формата проведения конгрессов является то, что вопросы как процесса, так и существа форума остаются открытыми до самого начала конгресса. Тот факт, что не существует четких правил или практики подготовки конгрессов, а также последующих действий, означает, что государства-члены всегда предпочитают выбирать процедурные методы, которые могут принести тактические преимущества в разрешении конкретного существенного вопроса. Это не способствует ни совершенствованию организации самих конгрессов ООН, ни развитию отношений между конгрессами и комиссией ООН.

Мы предлагаем в качестве варианта синтезировать политическую приверженность конгрессов и ресурсы комиссии ООН. Примером этого подхода стал результат обсуждения темы киберпреступности в рамках XII Конгресса ООН (Салвадор, 2010). Государства-члены, желающие оперативно принять меры по этому вопросу, потребовали, чтобы согласованный делегатами конгресса вариант резолюции рассматривался как мандат и был представлен непосредственно в ГА ООН. Другие государства, предпочитая существующую практику и дополнительные обсуждения, пожелали, чтобы текст был повторно рассмотрен на следующей сессии комиссии ООН, а затем направлен в ГА ООН через Экономический и социальный совет ООН в обычном порядке.

Иным привлекающим внимание фактом является то, что некоторые политические функции, первоначально выполнявшиеся конгрессами ООН, теперь переданы комиссии ООН в соответствии с ее мандатом. Априори конгрессы намного масштабнее, чем сессии комиссии, обычно на них присутствуют более высокопоставленные должностные лица. Однако в актуальных реалиях конгрессы не могут обращаться непосредственно к ГА ООН. Принципиальные решения, которые направлены на выделение ресурсов и определение работы секретариата конгресса, должны быть приняты комиссией ООН, а также, в соответствующих случаях, ЭКОСОС и ГА ООН. Часть этой неопределенности была устранена в рекомендациях XI Конгресса ООН (Бан-

гкок, 2005), но значительная часть функционала конгрессов, а также порядок взаимоотношений конгресса с комиссией все еще не урегулированы.

Дискуссионным вопросом остается вопрос определения характера самих конгрессов. Глобальный масштаб и высокий уровень представительства государств делают их привлекательными в качестве уникальной площадки, на которой, как правило, присутствуют высокопоставленные политические деятели государств-членов. Это, в свою очередь, приводит к тому, что основным элементом итоговых решений форумов являются всеобъемлющие заявления высокого уровня по вопросам противодействия преступности, которые могут иметь формально значительный политический вес, но обычно не отличаются содержательностью. С другой стороны, универсальный характер конгрессов привлекает большое количество технических экспертов по различным вопросам из государств-членов, институтов сети Программы ООН по предупреждению преступности и др. В результате семинары и другие специализированные встречи часто являются единственными мероприятиями, когда проводятся действительно глобальные экспертные обсуждения, на которых профессионалы могут устанавливать связи между предметными вопросами. Значение этого аспекта деятельности конгрессов ООН возросло по мере того, как идентичная экспертная функция сократилась в контуре сессий комиссии.

В результате этих процессов, на наш взгляд, получается совокупность различных результатов, каждый из которых в отдельности имеет ценность, но может быть достаточно взаимосвязан в тематическом плане. Например, подготовка проекта политической декларации конгресса обычно инициируется задолго до начала соответствующего форума, на протяжении всего времени подготовки к конгрессу происходит обсуждение и коррекция проекта.

Вместе с тем сессии экспертов высокого уровня, другие пленарные обсуждения и ряд технических семинаров, проводимых в рамках конгрессов, проходят независимо от этого процесса и по большей части изолированно. Отсутствие взаимосвязи между политическими мероприятиями высокого уровня и техническими, экспертными семинарами может означать, что последние, несмотря на содержание ценной информации, часто малоизвестны в политическом сообществе. Принимая во внимание пересмотр в 2001 г. роли, функций, периодичности и продолжительности конгрессов, полагаем целесообразным пересмотреть функционал комиссии и конгрессов ООН, а также определить сферы их совместного ведения.

Следует отметить, что аналогичные попытки предпринимались неоднократно, в частности в ходе проведения XI Конгресса ООН (Бангкок, 2005). Очевидно, что основные элементы, требующие регулирования, остаются актуальными и в настоящее время. К ним можно отнести такие вопросы, как роль комиссии в планировании конгрессов и определении повестки дня; соотно-

шение функций комиссии и конгрессов в планировании краткосрочных и долгосрочных приоритетных задач; функционал конгрессов в формировании общих приоритетов работы комиссии на каждые пять лет; взаимосвязь между конгрессами и технической работой, проводимой комиссией; роль комиссии в реализации деклараций и других рекомендаций конгрессов. К сожалению, результаты рассмотрения данного вопроса на форуме в Бангкоке и на других мероприятиях мало повлияли на процедуры планирования и проведения конгрессов ООН и организацию деятельности по итогам их проведения. Причины тому включают в себя изложенные выше проблемы. Самый главный факт, на наш взгляд, заключается в том, что мировое сообщество в настоящее время не имеет единого мнения и, возможно, понимания того, какие функции выполняют или способны выполнить конгрессы ООН [8].

Современные цели конгрессов ООН. Отвечая на вопрос о целях конгрессов ООН в современных реалиях, прежде всего отметим отличия конгрессов от комиссии ООН и других национальных, региональных или универсальных межправительственных органов, которые рассматривают вопросы борьбы с преступностью как часть своей работы. Во-первых, наиболее важными характеристиками этих форумов являются их универсальный масштаб и разнообразие участников, а также внимание общественности, политиков и средств массовой информации, которое они, бесспорно, привлекают. Это ясно указывает на то, что одной из первостепенных функций конгрессов является повышение политической роли в деятельности государств по борьбе с преступностью, определение этого направления как национальной и глобальной задачи. Вторая функция – повышение осведомленности о работе комиссии и других органов ООН, которые противодействуют преступности. Связанная с этим и, на мой взгляд, не менее важная функция – роль конгрессов в координации и интеграции усилий мирового сообщества. Данная функция включает в себя интеграцию предупреждения преступности, уголовного правосудия и интересов правонарушителей, потерпевших, правоохранительных, законодательных органов и других заинтересованных сторон не только во временном масштабе, но и в корреляции с крупными событиями, влияющими на изменение преступности.

Анализируя функционал конгрессов ООН, необходимо отметить следующее. Нет сомнений в том, что конгрессы играют глобальную роль в повышении значимости мер по борьбе с преступностью в мировом сообществе, а также в экспертных кругах. Они способствуют пониманию природы преступности и предлагают соответствующие меры реагирования. Представляется целесообразным усилить эту функцию, учитывая, что основная задача по объединению экспертов в условиях одной локации уже реализована. Предлагаем больше привлекать к участию в форумах непрофильных экспер-

тов, занимающихся не только вопросами криминологии. В этом случае целью является повышение осведомленности о ситуации в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в мире, коррекция исследовательских программ, выявление новых взглядов на рассматриваемые процессы. Кроме того, предлагаем определить более удобный для использования подход к сбору и публикации материалов конгрессов, сформированный на основе целесообразности распространения информации по существу дискуссий форума, равно как и в разрезе различных политических взглядов на проблемы преступности.

С нашей точки зрения, наблюдается усиление взаимосвязи в реализации задач в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и глобальной деятельностью ООН в области безопасности, верховенства закона, социального и экономического развития, прав человека и иных вопросов. В этой связи конгрессы можно было бы использовать для оценки состояния преступности и мер реагирования на нее в более широком глобальном и институциональном контексте. Действительно, в XXI в. увеличивается потребность в стратегической координации предпринимаемых государствами мер по предупреждению преступности и уголовному правосудию в контуре таких исследовательских направлений, как социальное и экономическое развитие; глобальный, региональный мир и безопасность; международная торговля и коммерция; экология; народонаселение и миграция, иные возникающие вопросы и процессы мирового масштаба. С учетом участия политиков высокого ранга конгрессы представляются нам идеальной площадкой для рассмотрения подобных вопросов через призму основной темы – предупреждения преступности и уголовного правосудия, что способствовало бы установлению индивидуальных и институциональных связей, обмену опытом.

Одна из выявленных проблем связана, на наш взгляд, с практикой высокоиндивидуализированных подходов к исследованию вопросов преступности. Как правило, высшие государственные официальные лица с трудом воспринимают различные точки зрения представителей других государств и культур, а также многие иные фундаментальные интересы мирового уровня. Вызывает положительный эффект факт того, что конгрессы приглашают высокопоставленных государственных должностных лиц, которые выражают политическую позицию по отношению к преступности от имени представляемых ими правительств. Однако чиновники высокого уровня редко взаимодействуют друг с другом или участвуют в экспертных мероприятиях конгресса. Утрачивается возможность, позволяющая высоким государственным лицам непосредственно контактировать друг с другом в дискуссиях, что позволило заложить политическую основу для более активного межгосударст-

венного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. С другой стороны, не реализуется потенциал использования специализированных дискуссий для повышения осведомленности официальных представителей государств о новых проблемах в рассматриваемой области, глобальных и региональных тенденциях.

Масштаб конгрессов делает их уникальной площадкой, объединяющей лучших экспертов в мире по различным профильным вопросам, от киберпреступности до реституционного правосудия. В рамках конгрессов проходят наиболее результативные международные встречи и обсуждения по всему спектру связанных с преступностью вопросов. В частности, организованные в соответствии с повесткой работы конгрессов дискуссии экспертного сообщества в значительной степени изолированы друг от друга. На наш взгляд, при этом ценная возможность установления связей между различными экспертными группами используется недостаточно. Представляется, что можно было бы достичь лучшего результата, если бы модераторы дискуссионных секций представили друг другу обсуждения или выводы групп экспертов по конкретным тематическим вопросам, например, по вопросам предупреждения преступности или защиты прав потерпевших.

Конгрессы ООН могут сыграть значительную роль в оценке эволюции преступности и ответных мер не только в рамках пятилетнего временного масштаба, но и в длительной динамике, исчисляемой десятилетиями. Обзор рекомендаций и выводов данных форумов может дать полезную информацию о взаимосвязях между преступностью и другими глобальными явлениями в разрезе характеристик государственного управления, коммуникаций, экономики, миграции или изменения окружающей среды. Так, анализ деятельности состоявшихся конгрессов ООН показывает, что ряд новых решений можно сформулировать с учетом опыта рассмотрения таких тем, как преступность, появившаяся на фоне политических и стратегических факторов, связанных с холодной войной; эволюция транспортных, экономических и иных систем в контексте ее влияния на ценности и убеждения народов. Представляется целесообразным исследовать взаимосвязь преступности с другими глобальными событиями, которые могут стать очевидными только по прошествии времени. В связи с этим считаем целесообразным при организации конгрессов документировать не только резолютивные акты, предусмотренные повесткой дня, но и убеждения, намерения и экспертные оценки, которые участники выражают в ходе проведения мероприятий.

Что касается деятельности после проведения конгрессов ООН, то необходимо отметить, что исследуемые функции форума являются достаточно общими, чтобы предложить какой-либо конкретный алгоритм. Можно отметить заслуживающий внимания специальный подход в виде рекомендован-

ного резолюцией A/RES/56/261 ГА ООН Плана действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии, предложенный как механизм реализации рекомендаций X Конгресса ООН. Указанный комплексный план учитывает разнообразные предметные области, обеспечивает высокую степень координации между конкретными действиями, предложенными в различных специальных направлениях, но представляется явно обременительным для реализации. Альтернативный подход, рекомендованный на совещании экспертов в Бангкоке в 2006 г., в рамках которого заинтересованные государства-члены после обсуждения конгрессом принимают конкретные резолюции, рассматривается нами как более предпочтительный вариант. Помимо имплицитного элемента установления приоритетов он позволяет документам конгресса, которые в первую очередь предназначены для формирования политических решений, оставаться в политической декларации, направляемой ГА ООН. При этом результаты, имеющие практические, оперативные и бюджетные последствия, вновь направляются на рассмотрение комиссии ООН, которая обладает опытом, чтобы избежать общие политические резолюции конгрессов от повторяющихся или избыточных вопросов.

Заключение. В завершение выразим уверенность, что новым мировым угрозам и вызовам государства могут эффективно противодействовать при незыблемом условии: обеспечении верховенства международного права в решении задачи по предупреждению и противодействию преступности во всех ее формах и проявлениях. Необходимым условием достижения целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. является соблюдение государствами универсальных документов ООН, разработанных конгрессами ООН. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенция ООН против коррупции создали основу для международного сотрудничества на качественно новом уровне. Впервые в истории международного уголовного права эти конвенции предусмотрели механизмы их имплементации. Важно, что разработан мандат для обеспечения эффективности данных конвенций при соблюдении принципа государственного суверенитета. Очевидно, что новые мировые угрозы требуют постоянного совершенствования механизмов противодействия преступности и систем уголовного правосудия [9]. Перспективы развития конгрессов ООН как основного элемента координации международных усилий в этой области должны соответствовать условиям современной реальности и стратегическим прогнозам. Полагаем необходимым комплексным и скоординированным образом укрепить институты противодействия преступности и уголовного правосудия в качестве неотъемлемой части решения международных проблем в области развития и безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каюмова А.Р. Проблемы теории международного уголовного права / А.Р. Каюмова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2004. – 336 с.
2. Волеводз А.Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 6 (23). – С. 268–282.
3. Clark R.S. The United Nations Crime Prevention and Criminal Justice Program: Formulation of Standards and Efforts at Their Implementation (Procedural Aspects of International Law Series) / R.S. Clark. – University of Pennsylvania Press, 1995. – 352 p.
4. Ram C.D. Meeting the Challenge of Crime in the Global Village: an Assessment of the Role and Future of the United Nations Commission on Crime Prevention and Criminal Justice / C.D. Ram // HEUNI Publication Series. – 2012. – № 73. – 145 p.
5. Коробеев А.И. Современное международное уголовное право сквозь призму института международной уголовной ответственности / А.И. Коробеев // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 40–44.
6. Krasno J.E. The United Nations: Confronting Challenges in a Global Society / J.E. Krasno. – London, 2004. – 446 p.
7. Luck E.C. Reforming the United Nations: Lessons from a History in Progress / E.C. Luck. – Academic Council on the United Nations System, 2003. – 74 p.
8. Mingst K.A. United Nations in the Twenty-First Century (Dilemmas in World Politics) / K.A. Mingst, M.P. Karns. – Westview Press, 2006. – 304 p.
9. Weiss T.G. The Oxford Handbook on the United Nations / T.G. Weiss, S. Daws. – Oxford University Press, 2007. – 896 p.

References

1. Kayumova A.R. Problems of the Theory of International Criminal Law. Kazan, 2004. 336 p.
2. Volevodz A.G. The 13th United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice: Some Results. *Biblioteka kriminalista = Criminologist Library*, 2015, no. 6 (23), pp. 268–282. (In Russian).
3. Clark R.S. The United Nations Crime Prevention and Criminal Justice Program: Formulation of Standards and Efforts at Their Implementation (Procedural Aspects of International Law Series). University of Pennsylvania Press Publ., 1995. 352 p.

4. Ram C.D. Meeting the Challenge of Crime in the Global Village: an Assessment of the Role and Future of the United Nations Commission on Crime Prevention and Criminal Justice. *HEUNI Publication Series*, 2012, no. 73. 145 p.

5. Korobeev A.I. Modern International Criminal Law through the Prism of the Institute of International Criminal Liability. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 40–44. (In Russian).

6. Krasno J.E. The United Nations: Confronting Challenges in a Global Society. London, 2004. 446 p.

7. Luck E.C. Reforming the United Nations: Lessons from a History in Progress. Academic Council on the United Nations System Publ., 2003. 74 p.

8. Mingst K.A., Karns M.P. United Nations in the Twenty-First Century (Dilemmas in World Politics). Westview Press Publ., 2006. 304 p.

9. Weiss T.G., Daws S. The Oxford Handbook on the United Nations. Oxford University Press Publ., 2007. 896 p.

Информация об авторе

Скирда Максим Владимирович – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Information about the Author

Skirda Maksim Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Assistant Professor of the Chair of State Law Disciplines

Статья поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

**КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY;
OPERATIONAL INVESTIGATIONS**

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.11

Кисленко Сергей Леонидович¹, Менжега Михаил Михайлович²

¹Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,

ser-kislenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6751-9034>

²Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
wandol@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В ПРОЦЕССЕ ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОСМОТРА
МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

Аннотация. Цифровые технологии интенсивно интегрируются во все сферы общества, в том числе они используются правоохранительными органами, технологическая составляющая деятельности которых должна идти в ногу с техническим прогрессом. Так, 3D-моделирование и виртуальная реальность открывают новые возможности для следственной и судебной практики, позволяя создавать трехмерные цифровые копии следов и точные визуальные модели мест происшествий. Такие модели обеспечивают высокую детализацию и точность фиксации мест происшествия и позволяют следователю и другим участникам процесса более полно и всесторонне анализировать зафиксированную информацию, что способствует лучшему пониманию механизма преступного события и оценке собранных доказательств.

Ключевые слова: криминалистика, технические средства, осмотр места происшествия, цифровая фотография, 3D-сканирование, виртуальные модели

Для цитирования: Кисленко С.Л. Использование современных технических средств в процессе фиксации результатов осмотра места происшествия / С.Л. Кисленко, М.М. Менжега. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.11 //

Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 108–123.

Original article

Kislenko Sergey Leonidovich¹, Menzhega Mikhail Mikhailovich²

¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, ser-kislenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6751-9034>

²Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, wandol@mail.ru

USE OF MODERN TECHNICAL MEANS IN THE PROCESS OF FIXING THE CRIME SCENE EXAMINATION'S RESULTS

Abstract. Digital technologies are intensively integrated into all spheres of our society, including law enforcement agencies which technological activities must go with technical progress. For example, 3D modeling and virtual reality open up new opportunities for investigative and judicial practice they also create three-dimensional digital trace copies and accurate visual models of accident scenes. Such models provide a high level of detail and accuracy in fixing the scene and allow the investigator and other participants of the process to more fully analyse the collected information, which contributes to a better understanding of the criminal event's mechanism and the collected evidence evaluation.

Keywords: forensics, technical means, crime scene examination, digital photography, 3D scanning, virtual models

For citation: Kislenko S.L., Menzhega M.M. Use of Modern Technical Means in the Process of Fixing the Crime Scene Examination's Results. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 3, pp. 108–123. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.23.11.

Большое значение в тактике следственных действий традиционно отводится вопросам технического обеспечения процесса их проведения. Не является исключением и осмотр места происшествия. В рамках данного (как правило, неотложного) следственного действия в целях своевременного и полного обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, применяются технические средства. Результаты обобщения следственной практики показали, что при осмотрах мест происшествий чаще всего используются следующие технические средства: фотокамера (94 %), средства

для работы со следами рук (42 %), измерительные приборы (32 %), средства для работы со следами обуви (6 %), средства для работы со следами взлома (2 %), средства для работы с биологическими следами (2 %) [1, с. 22].

Особое внимание в процессе осмотра места происшествия уделяется фиксации обнаруженной информации. Это обусловлено обязанностью следователя отражать в протоколе и факультативных средствах фиксации все действия, которые он совершает на месте происшествия, подробное описание обнаруженных объектов. Следователь должен зафиксировать не только общую обстановку, но и свойства и признаки каждого обнаруженного объекта. Такой подход обеспечивает полноту и объективность получаемой в процессе следственного действия информации, что закономерно сказывается на качестве всего дальнейшего расследования. В этом плане вполне справедливо высказывание патриарха отечественной криминалистики И.Н. Якимова о том, что «мало наблюдать и обнаружить важное и нужное для дела при осмотре. Это только половина задачи, другое же – это закрепить и запечатлеть все наблюденное и найденное при осмотре во внешних формах, дающих правильное и точное представление каждому, кто по ним должен ознакомиться с результатами осмотра» [2, с. 194]. Добавив к этому неустойчивость признаков элементов материальной обстановки места происшествия и зависимость их от разнообразных факторов, которые ведут к утере криминалистически значимой информации, можно с уверенностью констатировать исключительную важность этапа фиксации такой информации в процессе следственного осмотра.

Однако при осмотре, как и при производстве любого следственного действия, неизбежны элементы субъективного подхода. Практике известны случаи, когда неточное и ошибочное отражение признаков осматриваемых объектов в протоколе следственного действия приводило к возникновению проблемных ситуаций у стороны обвинения в процессе последующей деятельности. Например, к одной из причин некатегорических положительных выводов в процессе проведения отдельных судебных экспертиз относится неполнота описания в протоколе осмотра механизма следообразования, а также общих признаков изымаемых объектов и т. п. [3, с. 117–126]. А поскольку фиксация элементов обстановки места происшествия позволяет использовать запечатленные их характеристики в целях последующей аналитической, версионной и доказательственной деятельности субъекта расследования, постольку очевидна связь субъективной природы ошибок фиксации криминалистически значимой информации с продуктивностью всего механизма расследования преступления (и порой поддержания государственного обвинения в суде). В связи с этим криминалисты всегда были заинтересованы в создании средств, минимизирующих риски утраты криминалистически значимой информации при производстве первоначального осмотра

ра места происшествия, повышающих эффективность дополнительного или повторного осмотра места происшествия, в том числе за счет использования передовых информационных технологий. Речь идет о внедрении в практику следственных осмотров цифровых технологий, позволяющих формировать максимально точные визуальные модели мест происшествия и интегрировать их в виртуальную реальность в целях последующего использования для решения отдельных задач расследования в любое время независимо от времени суток, погодных условий и сложности осмотренной территории, а также анализировать зафиксированную информацию, не проводя повторных или дополнительных осмотров, проверять полноту и точность записей в протоколе и др.¹

На наш взгляд, поступательное развитие уголовного судопроизводства в условиях цифровизации неизбежно сопряжено с интеграцией в процесс фиксации и формирования доказательственной информации методов и технологий визуального моделирования. Использование их должно оптимизировать наглядность, понятность, доступность для восприятия доказательственного материала, а также его убедительность для участников процесса.

Известно, что визуализация облегчает и ускоряет передачу и получение информации², способствует лучшему пониманию следователем и иными участниками процесса механизма преступления. Визуальные модели позволяют создать эффект присутствия на месте происшествия даже спустя значительное время после его непосредственного осмотра. Это предоставляет широкие возможности, в частности для проверки и корректировки следственных версий. Использование технологии виртуальных моделей мест происшествий позволяет повторно – и всесторонне – исследовать запечатленную территорию, анализировать объекты с различных точек обзора. Следователь может, изменяя масштаб, детально рассматривать следы и объекты, получать информацию об их индивидуальных признаках и расстояниях между ними. Такой подход значительно повышает точность и эффективность процесса виртуального осмотра, позволяя детально анализировать место происшествия и принимать обоснованные решения на основе полученных данных.

¹ Мы не затрагиваем дискуссионные вопросы, касающиеся возможности придания материалам применения научно-технических средств самостоятельного доказательственного значения. Мы разделяем позицию ученых, рассматривающих такие материалы исключительно как составные части протокола, не имеющие без него никакой юридической силы и не являющиеся самостоятельными доказательствами.

² 90 % всей информации, обрабатываемой мозгом, – это зрительные образы, скорость восприятия которых в 60 тыс. раз выше скорости чтения текста. Это достаточно веская причина использования инструментов для визуализации данных.

Также не стоит забывать о том, что результаты осмотра места происшествия, зафиксированные в протоколе и в приложении к нему, выступают в качестве материалов для последующих экспертных исследований, в ходе проведения которых (особенно ситуационных исследований) эксперту зачастую требуется большой объем сведений о месте происшествия: более детальное описание расположения объектов, расстояний между ними, их морфологических признаков и т. п. В таких ситуациях виртуальные модели выступают весомым подспорьем в разрешении ряда экспертных задач.

Следует отметить, что современные технологии значительно повышают эффективность наглядной демонстрации доказательств в ходе не только их досудебного, но и судебного исследования. Виртуальная трехмерная реальность позволяет воспринимать обстановку места происшествия почти так же, как и при непосредственном восприятии реальной обстановки. Это создает более интенсивное воздействие на процессы памяти человека по сравнению с традиционными двухмерными фото- или видеоизображениями. Трехмерные модели и виртуальные туры¹ позволяют суду (и особенно непрофессиональным участникам) более полно и точно представить взаимосвязь элементов обстановки места происшествия, что способствует лучшему пониманию и оценке доказательств. В этом плане следует согласиться с тем, что интеграция виртуальной реальности в судебные процессы обеспечивает более глубокое и эмоционально насыщенное восприятие доказательственной базы и может существенно повлиять на исход дела [4, с. 158].

Цифровые технологии способны предоставить следователю широкий арсенал средств и методов для создания факультативных средств фиксации и последующей визуализации криминалистически значимой информации в целях решения как непосредственных задач следственного действия, так и перспективных задач расследования (и последующего поддержания государственного обвинения в суде). Остановимся на анализе отдельных направлений, которые могут быть задействованы в следственной деятельности в обозримом времени. Также отметим, что неизбежность цифровизации

¹ Визуализация места происшествия или события посредством использования 3D-моделей и их демонстрации в суде является распространенной криминалистической технологией за рубежом. Эта методика получила название Forensic Animation (см.: Forensic Animation for Legal Cases [Электронный ресурс]. URL: <https://courtroomanimation.com/forensic-animation-legal-cases-guide/#:~:text=Forensic%20animation%20refers%20to%20the,are%20created%20to%20aid%20investigators.%E2%80%9D> (дата обращения: 10.06.2024)). Такая компьютерная анимация представляет собой моделирование произошедших событий в процессе ведения гражданских и уголовных дел с использованием современной компьютерной графики, что помогает лицам, участвующим в процессе, наглядно увидеть на экране монитора (в шлеме виртуальной реальности или 3D-очках) место происшествия или в целом реконструкцию события.

процесса расследования не исключает отказ от имеющихся технологий и средств фиксации доказательственной информации.

Востребованным и перспективным остается применение цифровой фотографии. В современных условиях для производства фото- и видеосъемки активно внедряются методы сферической фиксации места происшествия. Данный способ хорошо зарекомендовал себя при фиксации мест происшествий по ряду уголовных дел, имеющих повышенную криминалистическую сложность (например, совершение террористических актов и т. п.). Основой снимка, сделанного методом сферической панорамы, является скомпонованное из нескольких последовательных кадров изображение в сферической проекции [5, с. 34]. Перенос сферической проекции, созданной из серии последовательных кадров, в систему виртуальной реальности позволяет более тщательно изучать место происшествия и обнаруженные на нем следы. Этот подход позволяет в последующем «перемещаться» в виртуальной модели места происшествия в различных локациях, что способствует более детальному и последовательному анализу следов преступления.

Таким образом, современные технологии, позволяющие создавать трехмерные цифровые копии места происшествия, открывают новые возможности в практике исследования результатов следственного действия. Они позволяют «возвращаться» на место происшествия в виртуальной реальности для повторного или дополнительного осмотра, уточнения данных и проверки обоснованности выдвинутых версий.

Внедрение анализируемых технологий предполагает необходимость учета особенностей их применения в практике следственных осмотров. Во-первых, 360-градусная камера должна обеспечивать сферический захват изображения с углом обзора в 360 градусов без каких-либо ограничений или «мертвых зон». Во-вторых, такая съемка должна осуществляться в достаточно высоком разрешении. Для создания VR-контента¹ минимально необходимым является разрешение 4K, в то время как для большинства камер допустимо использовать разрешение 2K. Также камера может быть совместима со смартфоном, что позволит специалисту удобно управлять съемкой.

Соблюдение указанных параметров обеспечивает высокое качество съемки и удобство последующего использования, делая 360-градусную камеру эффективным инструментом для более детальной и достоверной фиксации и последующего воспроизведения обстановки места происшествия, что является неопределимым преимуществом в следственной и судебной практике использования результатов следственных действий.

¹ VR (Virtual Reality) – виртуальная реальность. Эта технология подразумевает использование 3D-очков для погружения в виртуальное 3D-пространство.

Современные популярные 360-градусные камеры (например, Insta360 X3, GoPro Max и Ricoh Theta X) позволяют вести съемку места происшествия в 3D с точностью до миллиметра. Это помогает следователям (с привлечением соответствующего специалиста) подробно зафиксировать (и в последующем воссоздать) место происшествия с высокой точностью. В частности, в процессе фиксации возможна высокоточная оцифровка объектов осмотра (например, тел жертв техногенных катастроф). Это позволяет получить крайне детализированные цифровые модели¹, которые могут быть использованы для всестороннего анализа и реконструкции события преступления и производства последующих экспертных исследований, значительно повысить их точность. Такие технологии наиболее эффективны для фиксации мест происшествий при расследовании массовых убийств, дорожно-транспортных происшествий, техногенных катастроф, криминальных взрывов и т. п. Например, на месте ДТП использование 3D-съемки позволяет фиксировать с геопривязкой взаимное расположение автомобилей, пострадавших, осколки стекла, следы торможения и другие ключевые детали. Программное обеспечение, используемое для обработки этих данных, позволяет измерять расстояние между любыми объектами с точностью до 2 мм. При помощи данной технологии в последующем создается точная схема ДТП и трехмерная модель события преступления [6, с. 234].

Отснятый материал может быть загружен в специализированное программное обеспечение для создания 3D-сцены. Впоследствии к виртуальному макету осмотра места происшествия посредством использования маркеров может быть добавлена дополнительная информация о данном следственном действии, включая данные об участниках, а также фрагменты протоколов осмотров отдельных объектов и заключений по их экспертным исследованиям. Виртуальный макет осмотра места происшествия может комбинироваться с использованием шлема виртуальной реальности, что позволяет создать эффект присутствия на месте происшествия даже спустя значительное время после его осмотра. Такой подход обеспечивает возможность повторно «посещать» место происшествия в виртуальной среде, обеспечивая дополнительный детальный анализ его особенностей.

Анализируемые технологии не только способствуют более тщательному анализу элементов обстановки места происшествия следователем, но и обеспечивают наглядную демонстрацию места и картины происшествия государственным обвинителем в суде. В ходе судебного разбирательства такая виртуальная модель может быть использована для того, чтобы участники

¹ Что позволяет эффективно обеспечить выполнение предписаний уголовно-процессуального законодательства относительно фиксации индивидуальных признаков и особенностей изымаемых объектов (ч. 3 ст. 177 УПК РФ).

процесса (особенно непрофессиональные) смогли посредством виртуального присутствия на месте происшествия непосредственно воспринять особенности его обстановки [7, с. 167].

В рамках данного направления перспективным видится внедрение технологии, позволяющей прикреплять различные файлы к маркерам объектов в созданных виртуальных моделях. Это позволит в специализированной программе привязать детальные описания к каждому объекту, на котором обнаружены какие-либо следы. Например, в раскрывающемся списке можно будет просматривать выводы экспертиз, переходить по ссылкам на связанные с этими объектами документы и т. д. Основная идея заключается в том, чтобы позволить пользователям повторно изучить место происшествия в виртуальной реальности, не покидая своего рабочего места, не совершая без необходимости длительных выездов на удаленные или труднодоступные места происшествий. Это повышает удобство, эффективность и снижает затратность осмотров мест происшествия.

В целом к преимуществам использования в практике фиксации обстановки места происшествия 360-градусных камер можно отнести полноту охвата пространства, возможность снимать на обычные фотоаппараты и смартфоны с использованием специального вращающегося штатива (современные смартфоны поддерживают технологию съемки и последующей сшивки сферических панорам).

Однако следует принимать во внимание, что производство следственного осмотра зачастую сопряжено с неблагоприятными внешними условиями, сказывающимися на качестве фиксации. В частности, на результаты сферической фиксации оказывают влияние погодные условия и время суток. В связи с этим в практику следственного осмотра внедряются более эффективные методы и технические средства, позволяющие реализовывать технологию 3D-сканирования. На сегодняшний день наиболее прогрессивной технологией для сферической фиксации места происшествия является гибридная система, которая включает в себя не только фото- и видеокамеру, но и систему светодиодов и лазеров. Эти элементы обеспечивают работу технологии LIDAR¹. В то время как традиционная фотограмметрия использует визуальные изображения для создания топографических карт и трехмерных моделей, LIDAR создает изображение с помощью лазерного луча, формируя его на основе тысяч точек данных. Это позволяет достигать очень высокого качества съемки и предельной детализации объектов. Важным преимуществом технологии LIDAR является ее способность функционировать в различных условиях,

¹ LIDAR (Light Detection And Ranging) испускает волну инфракрасных точек, измеряя время полета каждой до ближайшего объекта и обратно. Это позволяет определить размеры пространства.

что делает ее незаменимым инструментом для фиксации места происшествия в любое время суток и при любой, даже самой неблагоприятной погоде.

Анализируя данные, сохраненные при сканировании объекта, LIDAR позволяет получить не только высокодетализированную информацию о рельефе поверхности, но и о расстоянии между объектами. Кроме того, технология LIDAR может использоваться и на земле, и в воздухе, например, на дронах и беспилотниках, что значительно расширяет возможности ее применения при осмотре места происшествия. Особенно это касается труднодоступных мест, о которых законодатель упоминает в ч. 3 ст. 170 УПК РФ. Представляется, что фиксация в таких местах требует применения как раз специализированных технических средств, интегрированных с БПЛА. Сканирование (съемка) местности посредством дрона позволяет зафиксировать и увидеть то, что скрыто от человеческого глаза под кронами деревьев, в условиях слабого освещения, облачности или других факторов, мешающих традиционной аэрофотосъемке. Подобная технология незаменима при осмотре и фиксации мест авиакатастроф, террористических актов и прочих преступлений, для которых характерно наличие значительного количества материальных следов [8, с. 42].

Технология LIDAR обладает уникальными возможностями классификации объектов, которые недоступны традиционным инфракрасным датчикам, и позволяет обнаружить и зафиксировать совершенно разные по форме, размеру и плотности объекты. В отличие от IP-камер, которые ограничены условиями освещения, LIDAR обеспечивает получение стабильного качества данных в любых условиях. Технология позволяет проводить фиксацию сквозь плотную растительность, предоставляя точные данные о земле и объектах под деревьями, что невозможно с помощью обычной аэрофотосъемки.

Кроме того, полученные с помощью данной технологии результаты измерений можно использовать для создания точных цифровых моделей обстановки места происшествия. Процесс получения и обработки данных при этом является максимально автоматизированным, что уменьшает затраты времени и усилия специалистов – достаточно производства однократного сканирования для получения необходимого объема данных, что исключает необходимость повторных выездов на место происшествия. Неоспоримым плюсом анализируемой технологии является и то, что, по оценке экспертов, использование сканеров, даже в наземных условиях, сокращает время работы задействованных специалистов почти на 90 %. При этом по сравнению с 2D-моделями лазерное сканирование предоставляет более точные и полные данные.

Однако использование в правоохранительной деятельности технологии LIDAR, как и других технологий, должно отвечать определенным критериям. В ином случае полученные данные могут вызывать сомнения в достоверности в ходе следствия и судебного заседания. Представляется, что на-

дежность применения технического устройства на базе технологии LIDAR возможно при соблюдении определенных условий эксплуатации в соответствии с инструкциями производителя. К таким обобщающим критериям, на наш взгляд, можно отнести:

- учет ограниченности дистанции применяемого устройства его техническими возможностями. Расстояние до измеряемого объекта не должно превышать разрешительных параметров устройства (с учетом ситуативных вариантов его использования: с рук оператора, БПЛА, треноги для стабилизации устройства и др.; лидары от Apple имеют рабочую дальность около 5 метров, в то время как, например, компания Velodyne, первопроходец в области трехмерных лидаров, утверждает, что их датчики способны функционировать на расстоянии до 200 метров, что позволяет использовать их с БПЛА);

- проведение периодической калибровки лазерного радара согласно инструкциям производителя, чтобы обеспечить точность измерений;

- на линии непосредственного контакта между техническим средством и фиксируемой обстановкой по возможности не должно быть посторонних объектов, которые могут существенно повлиять на искажение результатов измерений.

На сегодняшний день применительно к использованию анализируемых нами технологий существует и ряд материально-организационных проблем. Так, использование лазерного радара в полевых условиях включает множество этапов, каждый из которых может представлять определенные проблемы. Изначально сложности могут возникнуть на этапе погрузки, транспортировки, выгрузки, сборки и включения оборудования. Все это требует значительных временных и физических ресурсов. Также существует риск повреждения оборудования во время транспортировки, что может повлиять на его работоспособность и точность фиксируемых данных. На наш взгляд, необходимо создание и использование специализированных транспортировочных контейнеров с системой амортизации, что позволит уменьшить риск повреждений такой техники. Механизация процесса – использование подъемных механизмов и тележек для перемещения оборудования – также сократит трудозатраты и уменьшит риск повреждений.

Процесс ввода прибора в рабочий режим может быть сложным, а настройка нулевой точки и активизация лазера могут занимать значительное время, что требует присутствия высококвалифицированного персонала. Время, необходимое для проведения полного цикла сканирования, также может быть весьма значительным ввиду того, что требования к точности выполнения операций могут включать необходимость частых проверок и коррекций.

Представляется, что проблемы, связанные с использованием анализируемых технологий, такие как трудоемкость настройки и необходимость ус-

тановки сфер-маркеров, можно решить с помощью автоматизации, улучшения интерфейсов и использования мобильных платформ, повышения квалификации соответствующих специалистов.

В современных реалиях цифрового социума все больше прослеживается актуальность разработки и внедрения курсов по обучению и повышению квалификации персонала по работе с передовыми технологиями и техническими средствами. Это повысит эффективность их использования, сократит временные и трудовые затраты, позволит минимизировать риски повреждения технических средств и ошибок при их использовании в разных условиях.

Таким образом, эффективное применение технических средств должно обеспечиваться участием в производстве следственных осмотров квалифицированных специалистов. В связи с этим следует согласиться с мнением В.А. Образцова, что «полнота и объективность осмотра места происшествия достигается не только применением необходимых технических средств и материалов поиска, но и широким использованием знаний сведущих лиц, участвующих в осмотре в качестве специалистов, позволяющих правильно определить адекватные ситуации осмотра места происшествия и объектов методы исследования» [9, с. 62].

При этом, если обращение с самими техническими устройствами порой не вызывает сложностей у опытных криминалистов, то отслеживание обновленных версий программного обеспечения требует не только знаний, но и соответствующих ресурсов (например, на лицензионный доступ). Особенно это актуально в условиях санкционной политики в отношении России. Например, одной из перспективных технологий, которая может быть использована в ходе проведения следственных осмотров, является созданная компанией Apple в 2023 г. технология Object Capture (захват объекта), работающая в операционных системах iOS 17, macOS 12 и их более поздних версиях. С ее помощью пользователи могут легко компилировать фотографии в 3D-модели, используя только камеру и вышеуказанное приложение iPhone. Эта функция использует фотограмметрию – технологию, которая преобразует серию 2D-изображений в детальную 3D-модель (см. рис.), и сканер LIDAR для сканирования объектов и создания подробных 3D-моделей на основе фотографий¹. Object Capture делает создание 3D-моделей доступным без каких-либо дополнительных приложений или оборудования. Пользователи делают серию снимков объекта под разными углами и на разной высоте с помощью iPhone или iPad. Камеру при

¹ См.: How to use object capture in IOS17 to turn photos into 3D AR models [Электронный ресурс]. URL: <https://consideringapple.com/use-object-capture-in-ios-17-to-turn-photos-into-3d-ar-models/32296/> (дата обращения 12.06.2024).

этом необходимо перемещать вокруг объекта¹. Количество изображений, необходимых для создания точного трехмерного представления, варьируется в зависимости от сложности и размера объекта, но соседние снимки должны существенно перекрывать друг друга. Сканер LIDAR, доступный на этих устройствах, помогает создавать точные 3D-модели. Полученная модель сохраняется в виде файла USDZ, который можно легко интегрировать в профессиональные рабочие процессы с 3D-контентом.

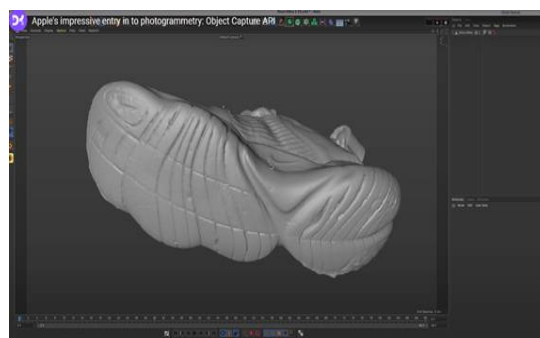
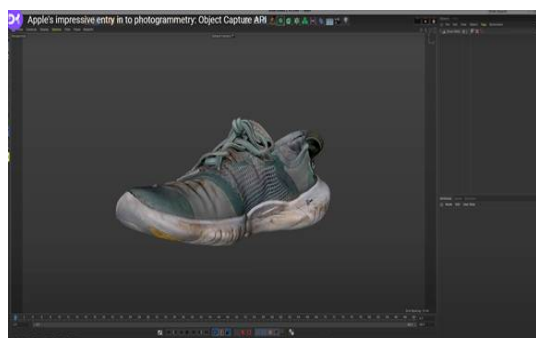
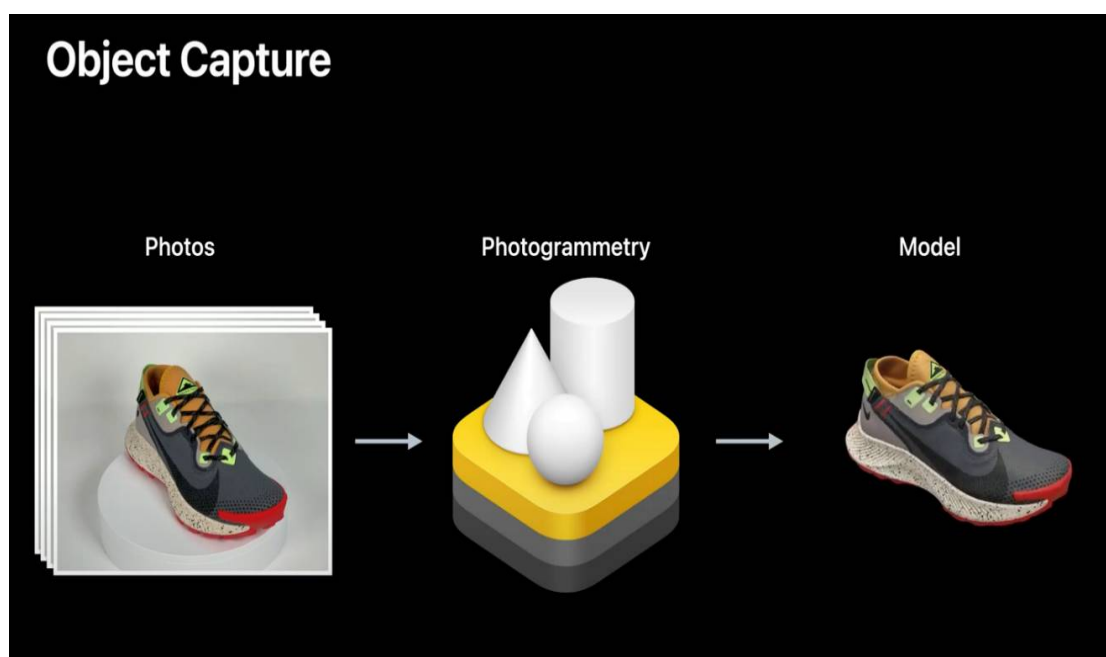


Рис. 2D-изображения, преобразованные в 3D-модель

Сотрудники правоохранительных органов могут использовать Object Capture для создания детализированных 3D-моделей обнаруженных на месте осмотра объектов, используя только iPhone, без кого-либо дополнительного дорогостоящего и громоздкого оборудования. В последующем трехмерные модели могут использоваться в суде для наглядной демонстрации

¹ Что может потребовать использование специализированного вращающегося штатива.

обнаруженных объектов и следов (особенно объемных) с места происшествия, что существенно облегчит участникам судебного разбирательства (особенно присяжным) образное восприятие обстоятельств дела. Так, появится возможность провести виртуальный тур по месту происшествия, что позволит увидеть всю картину произошедшего в целом и подробно ознакомиться с ключевыми деталями¹. Например, выбрать любой предмет с места происшествия, детально рассмотреть его, приближая и вращая. Стороны могут использовать такие модели для большей наглядности своих доводов, что делает их более понятными и убедительными.

Также отметим перспективы использования современных цифровых технологий визуализации доказательственной информации в дидактических целях, в частности в рамках курсов повышения квалификации следственных работников. В этом плане перспективным представляется создание банка данных 3D-моделей мест происшествий (особенно по нераскрытым преступлениям). Подобные цифровые модели способны минимизировать материальные и временные ограничения в обучении, делают практические занятия индивидуальными для каждого обучающегося, что значительно повышает эффективность усвоения навыков самостоятельного принятия решений с учетом выявленной информации, а также выдвижения версий и планирования дальнейшего расследования.

¹ Учитывая реалистичность (в отличие от черно-белых фотографий) цифровых моделей мест происшествия, при рассмотрении уголовных дел в суде присяжных часто возникает вопрос о допустимости их использования в плане возможности негативного воздействия на заседателей. По мнению законодателя, нет никаких законных оснований для исключения части доказательства, к которому относится, например, фототаблица к протоколу осмотра места происшествия с изображением трупа, из исследования в присутствии присяжных заседателей (см.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.04.2023 № 56-УД23-5СП-А5). С другой стороны, использование «шокирующей информации» часто затрудняет ее восприятие отдельными присяжными и зачастую используется стороной защиты для оспаривания их вердикта как основанного на предубежденности в отношении подсудимого. Представляется, что решение данной проблемы может идти как по пути выработки однозначных правоприменительных критериев допустимости демонстрации «шокирующих доказательств» в суде присяжных, так и путем использования современных цифровых технологий. В этом плане перспективными видятся возможности компьютерной анимации. Так, если в таких данных, как трупы, цвет крови на трупе и орудия убийства и других обстоятельств, не содержится доказательственной информации, их можно отразить в виде менее реалистических изображений, не вызывающих отталкивающего впечатления у присяжных. В частности, в виде компьютерных моделей с сохранением пространственной локализации и других значимых для доказывания обстоятельств произошедшего.

Таким образом, современные технологии значительно улучшают процесс фиксации и последующего анализа данных с мест происшествий, их последующей визуализации в процессе доказательственной деятельности.

Список источников

1. Бульбачева А.А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.А. Бульбачева. – Москва, 2017. – 26 с.
2. Якимов Н.И. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / Н.И. Якимов. – Москва, 1925. – 430 с.
3. Корытов Д.А. Типичные ошибки оформления результатов работы специалиста в протоколе осмотра места происшествия / Д.А. Корытов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 24, № 4. – С. 117–126.
4. Пискунова Е.В. Использование 3D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе (реферативный обзор) / Е.В. Пискунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2014. – № 4. – С. 153–164.
5. Арсентьева С.С. Использование метода сферической фиксации места происшествия / С.С. Арсентьева, С.А. Морозов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 4, вып. 2. – С. 33–36.
6. Добромиров В.Н. Современные технологии первичного осмотра места дорожно-транспортного происшествия / В.Н. Добромиров, С.С. Евтюков, Е.В. Голов // Вестник гражданских инженеров. – 2017. – № 2. – С. 232–239.
7. Костюченко О.Г. Перспективы применения цифровых двойников места происшествия в российском судопроизводстве / О.Г. Костюченко, А.Н. Бойко, Л.В. Бертовский, С.П. Тимошенко // Высокотехнологическое право: современные вызовы : материалы IV международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск, 2023. – Ч. 1. – С. 166–171.
8. Еремченко В.И. Использование возможностей сферической фиксации места происшествия в ходе производства его осмотра / В.И. Еремченко, Е.А. Щуров // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 40–43.
9. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – Москва : Юристъ, 1997. – 334 с.

References

1. Bulbacheva A.A. Forensic Support of Crime Scene Examination. *Cand. Diss. Theses*. Moscow, 2017. 26 p.
2. Yakimov N.I. Forensic Science. Guide to Criminal Technique and Tactics. Moscow, 1925. 430 p.
3. Korytov D.A. Typical Errors of Registration of the Results of the Work of a Specialist in the Protocol of Inspection of the Incident Site. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 117–126. (In Russian).
4. Piskunova E.V. Use of 3D-Technologies in Criminalistics and Forensic Examination (Abstract Review) *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2014, no. 4, pp. 153–164. (In Russian).
5. Arsenteva S.S., Morozov S.A. Using the Spherical Fixation Method of the Place of Incident. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2019, vol. 4, iss. 2, pp. 33–36. (In Russian).
6. Dobromirov V.N., Evtyukov S.S., Golov E.V. Modern Technologies of the Primary Inspection of the Road Accident Place. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov = Bulletin of Civil Engineers*, 2017, no. 2, pp. 232–239. (In Russian).
7. Kostyuchenko O.G., Boiko A.N., Bertovsky L.V., Timoshenkov S.P. Prospects for the Application of Digital Twins of Incident Sites in Russian Legal Proceedings. *High-Tech Law: Modern Challenges. Materials of the IV International Interuniversity Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk, 2023, pt. 1, pp. 166–171. (In Russian).
8. Eremchenko V.I., Shchurov E.A. Using the Capabilities of Spherical Fixation of the Scene during the Production of Its Inspection. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2022, no. 1, pp. 40–43. (In Russian).
9. Obratsov V.A. Identification and Detection of the Offender. Moscow, Jurist Publ., 1997. 334 p.

Информация об авторах

Кисленко Сергей Леонидович –
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики;

Information about the Authors

Kislenko Sergey Leonidovich –
Doctor of Law, Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair
of Criminalistics;

Менжега Михаил Михайлович –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики

Menzhega Mikhail Mikhailovich –
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor, Assistant Profes-
sor of the Chair of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; одобрена после рецензирования 10.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 24.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.